

Ю. ДУНСКИЙ,
В. ФРИД,
А. МИТТА

при участии
Б. УРИНОВСКОГО

КИПАЖ

Известные советские кинодраматурги Юлий Теодорович Дуниский и Валерий Семенович Фрид родились оба в 1922 году, учились в одном классе и вместе поступили на сценарный факультет ВГИКа.

В 1957 году вышел их первый фильм, «Случай на шахте восемь», о горняцком Крайнем Севере, откуда авторы в тот год вернулись. С тех пор по их сценариям поставлено около тридцати художественных фильмов, в том числе «Жили-были старик со старухой», «Красная площадь», «Служили два товарища», «Старая-старая сказка», «Вдовы».

Многие из их сценариев опубликованы.

Москва «Искусство» 1981

Ю. ДУНСКИЙ,
В. ФРИД,
А. МИТТА
при участии
Б. УРИНОВСКОГО

ЭКИПАЖ

Киносценарий

Экипаж в особых обстоятельствах

Когда меня познакомили со сценарием будущего фильма «Экипаж», я написал о нем: «...хорошо, что вопросы престижа летной профессии, значения гражданской авиации в жизни современного человека заинтересовали талантливого режиссера А. Митту и маститых кинодраматургов Ю. Дунского и В. Фрида. Хорошо также, что свой сценарий они писали в содружестве с человеком, знающим гражданскую авиацию изнутри, — Б. Уриновским. Сценарий обладает качеством хорошего сплава: он прочен и пластичен, технически грамотен и художественно достоверен. В центре сценария ситуация особая, нетипичная, но типично другое: мужество и находчивость летчиков, их мастерское владение техникой, дружба и готовность в любую минуту прийти на помощь друг другу, готовность до конца выполнить свой профессиональный и гражданский долг. Подробно рецензировать сценарий — это дело литературных критиков. А я ограничусь тем, что скажу всему коллективу создателей фильма: счастливого полета!»

Теперь фильм по этому сценарию снят, с успехом идет на экранах страны, и мне хочется написать несколько слов о готовой картине. Как летчик могу сказать: авторский экипаж с трудными задачами справился отлично. Не часто бывает, чтобы два с половиной часа зрительный зал сидел затаив дыхание.

Выйдя из кинотеатра, я подумал: как жаль, что мы редко видим на экране летчиков в ореоле романтики, мастерства и, конечно, мужества, необходимого для нашей профессии. Ведь мальчики и юноши должны знать, что авиация Уточкина, Линдberга, Громова, Чкалова и Гагарина ждет их, что трудные победы закаляют характер, что нет чувства более высокого, чем сознание исполненного долга, и что небо по-прежнему огромно и прекрасно.

Я начал летать, когда мне было двадцать пять лет, и провел за штурвалом больше полувека. На моих глазах авиация одиночек превратилась в массовую профессию, в самую современную отрасль науки и техники, превратилась в символ эпохи. Мы меняли авиацию, и она меняла нас.

Какая же она, авиация, в эру научно-технической революции, и какими должны быть мы, чтобы создавать летную технику и управлять ею? Ответ, конечно же, не может быть однозначным. Размышляли над этим вопросом и создатели фильма.

Читая сценарий, не трудно заметить, что авторы любят писать сложные характеры — ни один из членов экипажа не прост. Даже

Дунский Ю. и др.

д 83 Экипаж: Киносценарий /Ю. Дунский, В. Фрид, А. Митта при участии Б. Уриновского; Вступ. статья В. Коккинаки.— М.: Искусство, 1981.— 120 с., ил.— (Б-ка кинодраматургии).

В сценарии «Экипаж» кинематографисты рассказывают о советских летчиках. В центре повествования ситуация особая, нетипичная, но типично другое: мужество и находчивость летчиков, их мастерское владение техникой, дружба и готовность до конца выполнить свой профессиональный и гражданский долг.

80106-032

д 118-120-81
025(01)-81

4702000000

© Издательство «Искусство», 1981 г.

ББК 85.543(2)
778С+Р2

цельный и прямой Тимченко не прост в своем отношении к сложностям жизни: к драме повзрослевшей дочери, к завихрениям судьбы Ненарокова, к «легким» романам Скворцова.

Но что еще важнее, в сценарии предпринята редкая для литературы и кино попытка показать не только индивидуальные характеры, но и характер коллективный, синтетический — характер экипажа как некоего целого.

Психологи и медики в авиации и космонавтике давно исследуют вопросы человеческой совместности, разрабатывают рекомендации, проводят тренировки. Но читатель, зритель ждут не научного, а художественного, образного ответа.

Поведение всех членов экипажа — героев фильма — в особых обстоятельствах отмечено печатью мужества и благородства самой высокой пробы. Трудно смотреть без волнения кадры разбега и взлета «Ту-154» на горящем аэродроме. Мигание табло «К взлету не готов», повторы команд, переговоры экипажа, отсчет скорости, лица, музыка — все это создает такое напряжение, что даже я, летчик-профессионал, сидя в зале, волновался за героев и гордился ими, гордился своей профессией. Мне думается, фильмы, подобные «Экипажу», рождают в зрителе гордость за нашу Родину, создающую такие надежные самолеты и воспитывающую такие героические характеры.

Что такое геройство? Я понимаю, что точной и краткой формулы человечество еще не придумало. Для меня лично геройизм — это повседневное выполнение своих обязанностей, обостренное чувство долга, которое в трудную минуту помогает совершить, казалось бы, невозможное. Именно об этом сценарий и фильм «Экипаж».

Жанр этого произведения определить трудно. Авторы ушли от привычной схемы «фильмов-катастроф», столь распространенных на Западе. В «Экипаже» есть и бытовые зарисовки, и мелодрама, и урбанизм современных аэропортов, и лиризм, и романтика. Это фильм о людях и о технике. И в особых обстоятельствах, в которые попал экипаж Тимченко, и люди и техника показаны достаточно достоверно. Взлет по рулежной дорожке с разрушенного землетрясением аэродрома, длительный полет на малой высоте в ночных условиях, ремонт самолета в воздухе — если в этих эпизодах и есть некоторые преувеличения, то в художественном произведении они, по-моему, вполне допустимы.

Был ли такой случай в действительности? Не знаю, не слышал. Да и не в этом суть. Когда я в 1935 году поднялся на негерметичном самолете, без скафандра на высоту 14 575 метров, это казалось чудом. Я тогда подошел к пределу выносливости самолета. А ведь мог бы лететь и выше! Оказалось, что предел возможностей человека выше, чем у машины.

Что возможно в авиации и что невозможно? Я бы сказал, что невозможного нет. Однажды при отказе обоих двигателей на большом самолете летчик-испытатель С. Н. Анохин приказал экипажу покинуть самолет, а потом выбрался наружу через люк над кабиной пилотов, прошел снаружи вдоль всего фюзеляжа до хвоста, держась за тросик радиоантенны, и прыгнул. Как он прошел по скользкой обшивке при скорости около пятисот километров в час? Загадка. Но у него не было другого выхода. Он дошел до хвоста, чтобы прыгнуть с парашютом именно там, иначе самолет в неуправляемом полете убил бы его своим хвостом. Четкое мышление, воля, мужество и мастерство победили.

Так что же это за люди — летчики? Что отличает их от всех остальных? Прежде всего, конечно, смелость.

При всем совершенстве техники, могуществе крыльев, мудrosti вычислительных машин и безошибочности автоматов взлета и посадки фронтальные грозы остаются грозами, а землетрясения остаются землетрясениями. И чтобы победить их, человек должен оставаться человеком. Таким, как герои сценария «Экипаж» — Тимченко, Ненароков, Скворцов. Таких людей рождает земля, но делает настоящими летчиками небо. Небо не терпит зазнайства, самоуспокоенности, оно требует мужества, глубоких знаний и душевной щедрости.

В сценарии «Экипаж» две части, которые можно условно назвать «Земля» и «Небо». Потому что у летчика как бы две жизни: обычная, земная, и другая, высокая — в небе.

Я знаю по своим друзьям и по себе, какое это возвышающее чувство — оказаться в кабине, сесть за штурвал или за пульт и на десять часов уйти в небо. И я благодарен авторам «Экипажа» за то, что они приоткрыли тысячам читателей и миллионам зрителей фильма прекрасный и мужественный мир летной профессии.

дважды Герой Советского Союза,
лауреат Ленинской премии,
заслуженный летчик-испытатель СССР
В. Коккинаки

ЛЮДИ С КРЫЛЬЯМИ — не ангелы

Командир экипажа — Андрей Васильевич Тимченко — не громко сказал в микрофон:

— Круг! Высоту четыреста по давлению семьсот сорок занял. Разрешите третий разворот.

— Третий разрешаю, — ответил в динамике голос диспетчера.

Над дверью салона горело табло: «Застегнуть привязные ремни, не курить».

Самолет шел низко над полями и рощами. Пассажиры с ленивым любопытством смотрели на землю, то встающую дыбом, то косо сползающую вниз.

...На земле за приближением самолета неотрывно следил локатор. Ажурные лопасти медленно и чутко поворачивались — так поворачивается лицо слепого на слышный ему одному звук.

А на экране локатора самолет Тимченко был всего лишь светлой точкой, крохотной звездочкой в созвездии других таких же. Прохаживался по кругу светящийся радиус, внимательно смотрел на экран диспетчера.

— Мы на курсе, на глиссаде, — сказал штурман командиру.

И земля подтвердила:

— Высота четыреста, удаление восемь километров. Полоса свободна.

В любом современном лайнере — будь то «Ил-62», «Ту-154», «Дс-10» или огромный «Боинг-747» — кабины невелики, даже тесноваты. Наверно, размер кабины продиктован конструктивными соображениями. Но со стороны кажется, что в этом есть и другой, более глубокий смысл. Члены экипажа почти касаются друг друга плечами и потому быстрее понимают друг друга, точнее взаимодействуют — как соприкасающиеся друг с другом шестеренки одного механизма. Но они не механизм! Они живой мозг, который одухотворяет, подчиняет своей воле летучую громаду металла...

— На курсе, на глиссаде, — сказал Андрей Васильевич. — Разрешите посадку.

— Посадку разрешаю, — ответил новый голос: диспетчеры передают друг другу самолет, будто с ладони на ладонь, чтобы в конце бережно опустить его на бетон посадочной полосы.

Андрей Васильевич приподнял нос машины, выдержал его над полосой на метровой высоте — и вот колеса осторожно коснулись земли.

— Включить реверс!

Руки Тимченко двигали штурвал вперед и на себя, одновременно поворачивая его то влево, то вправо, чтобы парировать порывы ветра, удержать самолет на оси полосы.

Постепенно замедляя ход, «Ту-154» катился по бетону. Рейс был окончен, они прилетели домой.

Безостановочной суетой, непрерывной и многообразной деятельностью Шереметьево, как и всякий большой аэропорт, напоминает муравейник: в беспорядочном на первый взгляд движении не вдруг угадываешь железную, раз и навсегда установленную, никем не нарушающую систему.

С разной скоростью и в разных направлениях перемещаются по своим незыблемым маршрутам самолеты, ползут самоходные трапы, движутся автобусы, электрокары, пестрые пикапчики иностранных авиакомпаний. А между ними снуют люди: летчики, бортпроводницы, техники, пограничники...

По своему привычному маршруту, от стоянки к диспетчерской, шел и Андрей Васильевич Тимченко в сопровождении второго пилота и штурмана.

Серая «Волга» Андрея Васильевича отъехала от стоянки, где ставят свои машины шереметьевские летчики. Рядом с Тимченко сидела его жена — высокая и спокойная, под стать мужу.

— Как слетали? — спросила Анна Максимовна.

— Нормально.

— Тридцать лет слышу это «нормально».

Тимченко пожал плечами:

— Так правда же, нормально. Тебя не устраивает?.. Расскажи лучше, как жила без меня.

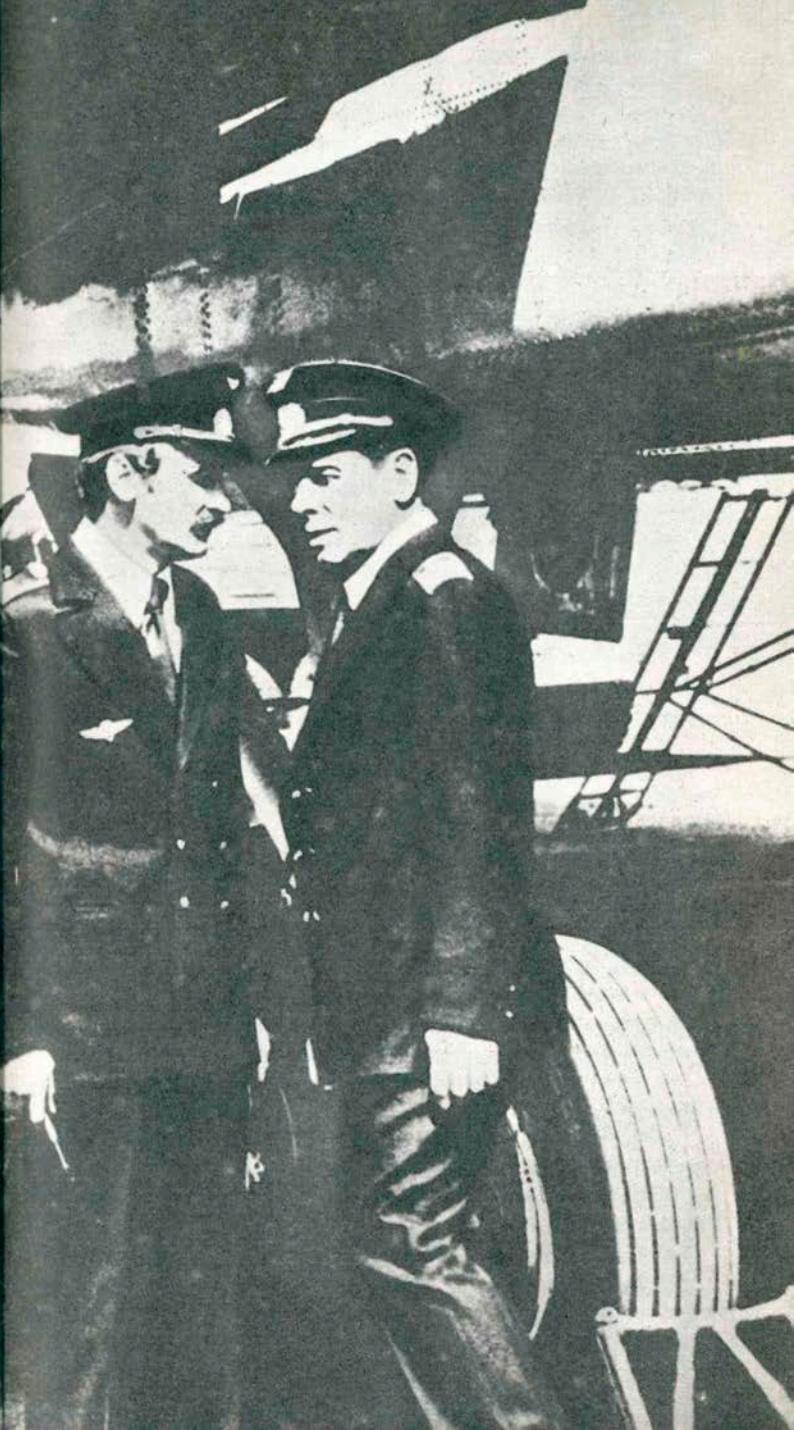
— Нормально, — ответила она и замолчала. Но не выдержала и стала рассказывать свои небогатые новости: — Звонили из Комитета ветеранов... Егор заходил, интересовался, когда вернешься...

— А как Наташка?

— Ну как Наташка... Наташка есть Наташка. — Анна Максимовна вздохнула и переменила разговор: — Ко мне девочку положили с зеркальным расположением.

— С чем? — не понял Андрей Васильевич.

— Сердце справа... Такая здоровенькая, спокойная девочка...

Бортинженер Игорь Скворцов, молодой, уверенный в себе, разыскал среди других машин своего красного «жигуленка», сел и отъехал, но недалеко. Остановившись в сторонке от диспетчерской, он повернул зеркальце так, чтобы видеть выходящих. Когда появилась та, которую он ждал,— хорошенькая блондинка, Игорь открыл дверцу и жестом предложил подвезти в город. Девушка уселилась в машину.

Перед аэровокзалом прогуливался со своей семьей еще один герой нашего фильма — летчик Валентин Ненароков. Семья была невелика: жена Аля и сын Алик четырех лет.

Муж и жена шли, держа мальчика за руки. А он, пользуясь этим, баловался: то поднимал ноги, чтобы родители его несли, то, наоборот, повисал на родительских руках и волочил ножки по земле. Но мать и отец не замечали этого, занятые своим разговором. Издали казалось: какая симпатичная дружная семья! Но так казалось только издали.

— Не нравится? Пожалуйста — давай разойдемся! — задыхаясь от злости, говорила жена.

— Ну, Аля, ну что ты в самом деле. Это же не разговор.

— Именно разговор! Ты мне весь отпуск испортил! Чтобы я в жизни еще с тобой поехала!

— Я бы то же самое мог сказать, но я же молчу!

— Интересно! Значит, опять я виновата?

В этот момент возле них резко затормозила красная машина, приветственно посигналила и из нее выскочил бортинженер Игорь Скворцов.

— Здорово, Валентин! Вот уж не думал!

Ненароков расплылся в счастливой улыбке, расцеловался Игорем и повернулся к Але:

— Алечка! Это мой старый товарищ, летали вместе... Игорь знакомься, моя жена.

— Алевтина Федоровна,— представилась Аля.

Поклонившись, Скворцов быстро и внимательно оглядел ее: красавая была жена у Ненарокова, ничего не скажешь...

— А ты тоже? — Ненароков показал глазами на пассажирку «Жигулей».

— Что ты! Ты смотри не накаркай... Это так... А ты опять в Москве? Перевелся?

— Нет, я там же. На Алтае... Слушай, а как Васильевич? Все сердца на меня?

— Нет,— сочувственно сказал Скворцов.— Сначала ругался, а теперь просто молчит. Не вспоминает.

— Мда... Ну все равно ты передай привет. Ладно?

Скворцов кивнул, а Ненароков продолжал:

— А мы в отпуск ездили... Показывал им Ленинград. А теперь по Москве хотим погулять.

— Так садись, покатаю вас,— после секундного колебания сказал Скворцов.— Нет проблемы.

— Спасибо, не получится,— с сожалением отказался Ненароков.— Еще билеты надо оформить, багаж...

— Ну смотри...

Мальчик все это время молчал, только застенчиво улыбался. Молчала и Аля. Скворцов уселился в машину, включил магнитофончик со специальными автомобильными колонками и уехал, увозя собой громкую музыку.

— Да, летали вместе. На «Ил-18-м». Отличный парень,— застроганно сказал Ненароков. А жена заметила неодобрительно:

— Кобель высшей марки. Сразу видно.

— А командир отряда тогда был Тимченко Андрей Васильевич,— продолжал вспоминать Ненароков.— Замечательный человек.

Аля передернула плечами: эти лирические воспоминания ее только раздражали.

Ненароковы сидели в стеклянном кафе и ели мороженое. Валентин переложил шарик из своей вазочки к Алику.

— Сиба,— с некоторым усилием сказал мальчик. Ненароков улыбнулся, спросил:

— Кү?

— Ку... Шо! — кивнул Алик. Мать в раздражении бросила в вазочку ложку, так, что обрызгала и себя и мужа.

— Да перестаньте вы на птичьем языке разговаривать! Словно как нерусские!.. Губиши ведь ребенка, губиши!

— Ну чего ты, Аля? Я уверен: ему так лучше, удобнее... И не надо заставлять насильно... Вот ты при нем...

— Завел, завел шарманку... Кто бы знал, до чего мне тошно

Игорь Скворцов и девушка, которую он подвез из аэропорта, пили кофе и слушали музыку. Комната у Скворцова была ухоженная, чистенькая и немножко пижонская: светильниками служили африканские маски с лампочками в глазницах и во рту, на стенах — какие-то панели матового стекла, центральное же место занимала «система» — магнитофон «Тандберг» с проигрывателем и разведенными по углам стереоколонками.

Не вставая, Игорь повернул тумблер на сложном, чем-то похожем на его стол с приборами в кабине самолета, пульте, по стенам, вернее, по панелям забегали разноцветные блики, волны, радуги.

Игорь покрутил ручку, и музыка сменилась. Зазвучал концерт Чайковского, а на потолке, вытесняя друг друга, стали появляться слайды с видами русской природы: березовые голые рощи, скованные льдом реки, старые усадьбы среди сосен.

— Потрясающе! — сказала девушка.

Игорь улыбнулся.

— Все сам. Вот этими руками.

— Только почему на потолке? Шею сломаешь.

— Я обычно лежа смотрю, — серьезно объяснил Игорь.— Лежа очень удобно.

Андрей Васильевич Тимченко тоже был дома: смотрел рассеянно телевизор и разговаривал с дочкой.

— Два зачета досрочно сдала, — рассказывала она.— Языко-знание и фонетику.

— Замуж еще не вышла? — пошутил отец.— Все-таки три дня не виделись.

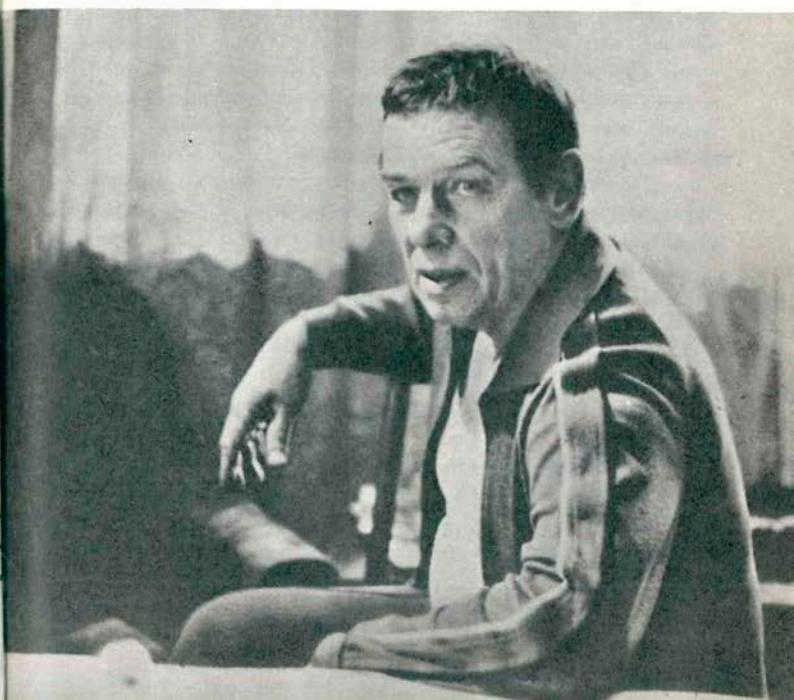
— Пока что нет.

— А когда выйдешь, нам с матерью хоть сообщишь?

Наташа улыбнулась, но как-то не очень весело.

— Конечно, сообщу. Если рядом телефон будет.

Отцу такой юмор не понравился, но он промолчал: сам ведь завел разговор.

Вошла с кухни Анна Максимовна со стаканом морковного сока в руках.

— О чём беседовали? — спросила она с беспокойством.

— Так... О жизни вообще.— Наташа встала.— Я пошла учиться.

Она взяла книгу, заложенную тетрадкой, и ушла к себе в комнату. Анна Максимовна поставила морковный сок перед мужем.

— А ну его к лешему,— взмолился Тимченко.

— Надо. Это сплошной каротин. Очень хорошо для глаз... Ведь знаешь.

— Каротин, карантин,— пробормотал Андрей Васильевич, но сок выпил. А жена уже достала из-под журнального столика прибор, которым измеряют давление, и стала обворачивать руку мужа повязкой.

— Зачем? — вяло протестовал Тимченко.— Это-то зачем?.. Только смотреть мешаешь... Ну, сколько там настукало?

Жена улыбнулась: знала, что обязательно спросит.

— Идеально. Сто двадцать на восемьдесят... Вот тебе Распутин, «Живи и помни». Это надо прочесть. Я очками заложила, где начинается.

...В спальне у Тимченко стояли рядышком две солидные, отсвечивающие полировкой кровати. Андрей Васильевич закрыл однотомник Распутина и потушил ночничок.

— Андрюша,— сказала вдруг жена. Оказывается, она не спала — просто лежала с закрытыми глазами.— Тебе Наталя что-нибудь говорила?

— Вроде нет... А что? — встрепенулся Тимченко.

— Наверно, лучше, чтоб она сама сказала... Но все равно... Только отнесись спокойно. Она у нас беременна.

Тимченко сел на постели, зажег свет.

— Постой, это ерунда какая-то получается... Я ее сегодня буквально сегодня спросил: замуж не вышла? Она говорит: пока не собираюсь... Весело так говорила!

Жена только вздохнула. Андрей Васильевич понял, что скзал глупость.

— А кто... этот?

— Какой-то Костя. Он же говорит, он у нас бывал... Я что-то не помню.

Тимченко встал и, как был в трусах, вышел из комнаты.

— Ты куда?.. Ее нету.

Он не ответил. Хлопнула входная дверь.

...Когда он вернулся и сел на кровать, жена не выдержала спросила:

— Куда ходил?

— Я ей сабо привез, на день рождения.

— Ну?

— Ну, пошел и в мусоропровод кинул!..

— Ты мог простудиться.

Они помолчали.

— Как тебе не стыдно? Чего ты злишься? — не очень уверенно сказала Анна Максимовна.— Надо радоваться!

— Чему? Чему радоваться?

— Тому, что Наталя разумная девка. Не стала ничего делать, хочет рожать... Что будет внук... Что мы с тобой еще не старые — неужели не вырастим? Деньги есть, дача есть... Ну, чего ты молчишь?

— Радуюсь.

Низко над водой шел вертолет. Из воды торчали верхушки деревьев, телеграфные столбы, а кое-где и крыши домов. Половодье. «Ми-4» летел неторопливо, отражаясь в спокойной воде.

В кабине сидели Валентин Ненароков, медсестра в белом халате и второй пилот. Второй внимательно следил за землей, а Ненароков, сидя за штурвалом, рассказывал медсестре:

— Я с ним специально в Москву заезжал после отпуска. Хотели к логопеду попасть, да не успели.

— Неужели так сильно заикается? — спросила сестра сочувственно.

— Сильно... Но он хитрый, придумал выход. Слово целиком сказать трудно, так он говорит кусочек. Вместо «хочу» — «чу», вместо «хорошо» — «шо», вместо «вкусно» — «ку». В общем, целый язык сочинил.

— Интересно,— сказал второй, продолжая наблюдать за землей.

— И я с ним так же разговариваю,— рассказывал Ненароков.— Вроде балуюсь, а ему так легче, веселей. Он меньше стесняется... А вот жена наоборот. Кричит на него, требует, чтоб говорил правильно. А он только больше заикается...

— Твоя Аля вообще язва хорошая,— заметил второй.

Ненароков не обиделся, но огорчился:

— Это ты зря... Просто у нее нервы.

— И у тебя нервы, и у меня нервы, но мы же на людей не кидаемся.

— Знаешь что, Серега...— начал Ненароков сердито, но тут второй перебил его:

— Вижу людей.

И правда, впереди, на крыше затопленного дома, махал белой рубахой человек. Рядом сидел другой, поменьше, наверно

ребенок. А на плоской крыше пристройки стоял зеркальный шкаф...

В маленькой московской квартире играл магнитофон. Под его музыку танцевала пара: молодой человек в джинсах и девушка — по виду десятиклассница. Еще один паренек сидел в углу, листая книгу.

Приоткрылась дверь, и пожилая женщина, наверно соседка, сказала:

— Костя, к тебе.

В комнату вошел Тимченко. Не здороваясь, он сказал парню с книгой:

— Выди на минутку. — А девушке велел: — Ты останься. Тебе полезно будет послушать.

Костя посмотрел на него с удивлением и тревогой.

— Что ж ты наделал, негодяй? — спросил Андрей Васильевич, перекрывая голосом музыку. — Наташка беременна, а ты в кусты?

Своей тяжелой рукой он сгреб парня за рубашку и хорошенко тряхнул.

— А ты отплясываешь? Другой дуре мозги крутишь?

— Это сестра моя! — жалобно закричал парень. Тимченко смущился:

— Да.. Ну, все равно. Так люди не поступают. Иди и женись, а то я из тебя...

— Да вы не поняли, я с удовольствием, — сказал парень еще жалобней. Он пошел выключить магнитофон и снова вернулся к Тимченко. — Я только об этом и прошу. Звоню, звоню, две телеграммы дал!

— Что ты ему объясняешь? Не унижайся, — сердито сказала сестра. — Она мизинца твоего не стоит!..

— Отстань!.. Андрей Васильевич, я ее люблю. А она не хочет. Категорически...

Дома совершенно сбитый с толку Тимченко допытывался у дочери:

— Но почему? Почему? Можешь ты мне объяснить?.. Парень как парень...

— Ну... Он не личность. Не нужен он мне. И вам с мамой не нужен. Только лишние хлопоты... Все равно не сможем мы с ним жить.

Андрей Васильевич помолчал, потом сказал горько:

— Ну давай, жди свою личность... Ребенка сделать — личность, а пожениться как люди — не личность... Ты хоть понимаешь, что жизнь себе искалечила?

Наташа вдруг озлилась.

— А ты хоть понимаешь, что ничего не понимаешь?.. Буду! Буду, буду рожать! И нечего за меня беспокоиться. За себя беспокойся! Тебя спишут вот-вот, ты же отлетал почти!.. А на земле что тебе делать? Вот и будешь внука воспитывать!

— Наталья, замолчи сейчас же! — сердито крикнула мать.

Тимченко встал, хотел что-то сказать дочери, но передумал и вышел из комнаты.

— Бух! Бух! — гремело над болотом. В резиновых ботфортах, в старой кожаной куртке, Тимченко брел по хлюпающей земле с двустволкой в руках. Охота — это был его любимый отдых. Но сегодня даже охота не могла исправить настроения.

— Бух! Бух! — И, хлопая крыльями, упала на землю утка...

.. Тимченко вышел к костру, который развел на сухом месте другой охотник. Этот охотник, одетый точно так же, как Андрей Васильевич, был старше лет на десять. Рядом с ним у костра сидела красивая угрюмая девушка в брюках, резиновых сапожках и нейлоновой куртке.

— Андрюша! — весело закричал сидевший у костра. — Вот нечаянная радость!.. Томочка, это мой друг, высочайшего класса летчик!

— Тамара,— без улыбки представилась девушка. Тимченко присел к костру, кивнул девушке.

— Это внучка моя, царица Тамара,— с гордостью сказал старый летчик.— А ты чего невеселый?

— По разным причинам,— буркнул Тимченко.

— Ничего, это мы исправим. Томочка, принеси, пожалуйста.

Девушка встала, спустилась к берегу озера. Там остужалась в воде бутылка водки, привязанная за горлышко к коряге.

Пока Тамара выуживала бутылку, старый летчик говорил, помешивая в греющемся над костром котелке:

— Вот, понимаешь, выросла... Красивая девчонка, хотела артисткой стать, но не потянула. По конкурсу не прошла... А теперь считает, дуреха, что жизнь пропала, конец!..

Тимченко слушал не перебивая.

— Но вообще-то она толковая. Английскую школу кончила, и вообще,— заторопился, чтобы скорее перейти к сути, Тамарин дед.— Я ее устроил бортпроводницей. Уже год летает. И у меня просьба: возьми ее под свое, как говорится, покровительство.

— Георгий Степанович, о чём ты говоришь? — удивился Тимченко.— Все сделаю, что в моей власти...

Тамара вернулась с бутылкой. Разливая водку по пластмассовым стаканчикам, Георгий Степанович продолжал рекламировать внучку:

— Она по-английски знаешь как чешет? И поет, и разговаривает!

— Ну, петь-то у нас вряд ли придется. А вот разговаривать... Ду ю риалли спик гуд инглиш?

Тамара пожала плечами и на хорошем — гораздо лучше, чем у Андрея Васильевича,— языке отвечала, что да, действительно, хорошо говорит по-английски и любит читать английские книги.

— А где летала?

— По Союзу. А сейчас перевели в Шереметьево.

Тимченко подумал, что бы еще спросить, и ничего интересного не придумал: вообще он не очень понимал, чем может быть полезен Тамаре.

— Профессия бортпроводницы нравится?

— Нет,— спокойно ответила девушка.— Если честно, совсем не об этом мечтала.

Она держалась независимо и даже чуть-чуть высокомерно.

— А что вам нравится? На уток охотиться? — спросил Тимченко, обидевшийся за авиацию. Тамара усмехнулась:

— Это дед Егор затащил меня. Развлекает.

Тамара отошла поискать сухих веток для костра. Тимченко спросил у Егора:

— Замужем?

Тот отрицательно покачал головой. Тимченко понизил голос еще больше:

- Мать-одиночка?
- С чего ты взял? — испугался Георгий Степанович.
- Да нет, это я так... Сам не знаю...

Тимченко и экипаж снова были в кабине «Ту-154». Впереди за стеклом, белели в синем небе легкие облака. Ничто не предвещало неприятностей. И вдруг бортинженер Скворцов и штурман крикнули почти одновременно:

— Пожар!.. Пожар!..

— Вижу и слышу.— Тимченко инстинктивно потянулся к тумблеру, но рука его повисла в воздухе.— Дым откуда-то... Похоже, что-то горит — в кабине или под полом.

На приборной доске бортинженера мигало табло. Игорь прочитал вслух:

— Пожар в первом пассажирском салоне.

— Пилотировать второму! — распорядился Тимченко.— Всем остальным надеть маски!

— Готов! — доложил Игорь. Он был уже в маске, гофрированный шланг которой тянулся к панели с надписью: «Кислород».

— Готов! — доложил и штурман.

— Надеть маску второму. Управление беру на себя,— сказал Андрей Васильевич. На нем тоже была маска.— Двигателям малый газ! Экстренное снижение до безопасной высоты!

— Понял,— кивнул штурман. В масках со шлангами, с наушниками, все они теперь были похожи на космонавтов.

— Инженер! Возьми баллон иди проверь салоны.— Микрофон, вмонтированный в маску, плотно прилегал к губам, и голос Тимченко звучал из динамика непривычно глухо.

— Беру баллон, бегу в салон! — весело продекламировал Игорь.

А командир продолжал:

— Уменьшую скорость до четырехсот километров в час. За крыть кран поддува гермокабины! Произвести разгерметизацию!

— Автомат регулятора давления включен на сброс! — доложил второй.

— Мы на курсе, на глиссаде,— сказал штурман.

— Хорошо.— Тимченко повернулся к Скворцову.— Почему не доложил об источнике дыма?

— Думаю, что где-то у нас под полом.

— «Где-то! А конкретно можешь?

Игорь нагнулся и показал на щель под своим столиком:

— Вот он сочится... Разбирать пол?

— Ладно, не надо. Пока хватит.

— А садиться? — спросил штурман.

— Сегодня садиться не будем. Завтра.

Тимченко щелкнул тумблером над головой, и в кабине загорелась свет. Летчики не спеша сняли наушники, маски. Андрей Васильевич вынул платок из кармана и тщательно вытер лоб. За стеклами кабины не было уже ни неба, ни облаков — скучная серая пелена.

Открылась дверь. За ней стала видна большая комната с пультом управления и креслами вдоль стен. В них сидел, ожидая своей очереди, еще один экипаж, пришедший на тренажер.

— Выходите,— деловито сказал инструктор...

...Когда они уже шли по коридору, Тимченко недовольно сказал Скворцову:

— Игорь, надо относиться посерезней. Конечно, это только репетиция, а спектакль, я надеюсь, не состоится никогда... И все-таки, не будь умнее всех!

На подмосковном водохранилище, неподалеку от моста, плавает обрубок фюзеляжа «Ил-18». На борту у него написано: «Волна». Здесь экипажи самолетов отрабатывают спасение при посадке на воду.

Вместе с экипажем Тимченко тренировалась группа бортпроводниц, в их числе и Тамара. В конце мая вода уже теплая — барабахаться в ней было весело. Игорь Скворцов сразу взял Тамару под свое покровительство: учил ее спускать на воду канаты и помогать «пассажирам».

...Вместе они плыли на ярком надувном плоту с шалашиком. Игорь, видимо, рассказывал ей что-то забавное: Тамара, против своего обыкновения, улыбалась. А с борта «Волны» на Скворцова неодобрительно смотрел их командир, Андрей Васильевич Тимченко: как-никак Тамара считалась его подопечной.

Вздохнув, Тимченко поднял руку и, как полагалось по плану тренировки, выпустил в воздух сигнальную ракету.

Вечером Тамара была в гостях у Игоря. По стенам, в матовых панелях, переливались огненные сполохи цветомузыки. Тамара сидела в акустических наушниках и, закрыв глаза, слушала музыку, которая играла для нее одной: колонки были отключены. А Игорь в это время разговаривал по телефону:

— Папа! А что у Сашки?.. Не обращай внимания, потом сам жалеть будет... У тети Марине доктор был?.. Ага... Нет проблем, достанем. Повтори, как называется: «мире» или «мере»?

Прижав трубку плечом, Игорь записал на календаре: «Миредин» — и, увидев, что Тамара на секунду открыла глаза, приветственно помахал ей и извинился улыбкой. Потом закончил разговор:

— А был случай, чтоб я забыл? То-то же!.. Маму поцелуй. Нажав на рычажок, он тут же набрал другой номер.

— Сергей? Привет!.. Бери карандаш, записывай: Михаил, Иван, Раиса, Евтушенко... Миредин. Индийское лекарство... Ты когда летишь в Индию?.. Очень хорошо. В среду я тебя встречу...

Разговаривая, Игорь время от времени включал и выключал кнопку звучания магнитофона и передвигал ручку регулятора. А когда положил телефонную трубку, включил колонки на нормальную громкость и сказал Тамаре:

— Резковато звучало, высоких много. Сейчас получше?

И вдруг увидел с удивлением, что по щекам девушки медленно ползут слезы. Игорь подошел, осторожно снял с нее наушники. Тамара открыла глаза, виновато улыбнулась.

— Вы так чувствуете музыку? — спросил Игорь с уважением. Тамара покачала головой.

— Нет. Люблю, конечно, ну, как все... Просто у меня с этой музыкой связано одно воспоминание...

— Любовь?

— Если бы!.. Я под эту музыку провалилась с треском. В Щу-

кинском училище. Я сидела, ждала своей очереди, а за стенкой все время играли это. Это откуда?

— Рок-опера. «Французская революция».

— Я даже не знала. Но там все время ее повторяли. Наверно, студенты этюд готовили под нее или что... И во время экзамена, когда я им басню читала, тоже было тихонечко слышно. И потом, когда я в коридоре плакала, опять ее играли.

Она стала искать платок. Игорь достал свой, кончиком вытер ей слезы и пошел переключил музыку. Потом сел рядом с Тамарой и обнял ее за плечи:

— Это, как говорит мой отец, «дело былое»... Но вообще-то если человек не вспоминает о своих неудачах, не переживает — значит, бесчувственная скотина. Так что плачь на здоровье — теперь-то у тебя все в порядке.

— Теперь все в порядке, — грустно подтвердила Тамара.

Вечером четырехэтажный поселковый дом светился разноцветными прямоугольниками окон. За одними виднелись обтянутые оранжевым шелком абажуры, каких в большом городе уже не встретишь, за другими — современные светильники, за третьими — голые лампочки.

...У себя на кухне Аля защищала пельмени. Ей помогала подруга, такая же молодая и почти такая же красивая.

— Смотри, Алька, доиграешься, — говорила подруга. — Не сходи с ума! Тебе такой золотой муж достался.

Аля не ответила. Подруга отнесла в холодильник доску с готовыми пельменями, вернулась и высказалась новую мысль:

— Ну, заведи себе кого-нибудь. Может, тогда беситься перестанешь.

— При живом-то муже? — презрительно сказала Аля. — Не это уж пускай другие. А я не такой человек.

— Тогда терпи.

Аля поджалла губы.

— А я что делаю? Только и терплю. Уже пять лет терплю... Не остывший еще от рабочего азарта Ненароков ходил по комнате, а сын Алик, крепко обхватив его правую ногу и приставив ножки на отцовский ботинок, путешествовал вместе с ним.

— Пятый день, а вода держится, — рассказывал Ненароков жене. — Кое-где аж до крыш доходит... Мы зависли над дымом, смотрю — на дереве скворечник. Низко-низко над водой. И представляешь: прямо как птичка сидит на полочке мыши!

— Мее... мы... — потребовал Алик.

— Тебе мышку? — Отец поднял его на руки. — Нельзя. Ее не достать... Уйдет вода — она слезет, побежит искать своих деток...

— Мужчины! Садитесь кушать... Я вам пельменей наготовила! — позвала Аля. Подруга вынесла из кухни большое блюдо пельменей.

...Они ужинали. На столе стояла бутылка красного вина, салат. Алина мать, седенькая и тихая, следила, чтобы ни у кого в тарелке не было пусто. Аля ела с аппетитом и при этом весело болтала:

— Ну эта Машенька Филатова, я просто не могу! Такая крохотулечка, такая пупочка — и скочет, и скочет, и скочет!.. У меня в классе три девочки тоже занимаются, но они как медвежатки...

— Угу... Угу, — поддакивал с полным ртом Ненароков. Алик ничего не ел: возил ложкой по тарелке и канючил:

— Чу ча... Чу ча... Чу ча!..

Мать рассердилась:

— Опять «чу ча»! Что это еще за «чу ча»? Скажи: «Хочу чаю»! По-русски скажи, а не по-китайски. А то не получишь ничего!

Алик хотел что-то ответить, но слова совсем не получались. Тогда он заплакал — прерывисто, как будто и плакал заикаясь.

Ненароков застучился за сына:

— Ну что ты, Аля? Раз не хочет человек... Не надо было шоколадку давать.

— Значит, я виновата? — сразу бросилась в атаку Аля. — Ты знаешь, как воспитывать, а я нет?.. Попробовал бы отказать, когда ребенок плачет!..

— Ой! Мне ведь к Жанне еще надо! — вспомнила вдруг Алина приятельница и поспешно встала из-за стола. — Всем спасибо, до свиданья!

Аля и не заметила ее ухода. Глядя горящими глазами на мужа, она кричала:

— Носишься неизвестно где! А потом приезжаешь и учишь!

Теща вздохнула и накрыла пельмени миской, а сверху полотенцем: знала, что теперь не скоро к ним вернутся.

— Почему «носишься»?.. — слабо отбивался Ненароков. — Я работаю...

— А я не знаю, работаешь или не работаешь! Может, нашел какую-нибудь и к ней летаешь!

Ненароков не удивился дикой несправедливости этого обвинения, давно уже привык. Он сказал только:

— Аля, Аля... Что ты плетешь?

Взял сигареты, спички и пошел на крыльце курить.

...Он курил, глядел на прозрачный кружок луны в еще не потемневшем небе и вспоминал, как пять лет назад он приехал сюда, в этот городок, чтобы предложить Але руку и сердце. Нашел он ее на танцах, в клубе...

Аля увлеченно танцевала, подняв над головой красивые плавные руки, и не сразу заметила, что Валентин машет ей флагом. А когда заметила, бросила партнера, старшего лейтенанта, и побежала к Ненарокову. Ее провожали внимательные мужские взгляды, а старший лейтенант, не разобравшись в ситуации, даже пошел следом, чтобы вернуть Алю. Но увидел ошалевшие от любви глаза Ненарокова, увидел, как Аля протянула ему на встречу руки, и свернул с курса.

— В отпуск? Или командировка? — растерянно и радостно спросила девушка.

— Приехал предложить руку и сердце, — ответил Валентин сияя. — Алечка! Завтра подаем заявление!

— Ты что придумал? Я же не могу уехать, — испугалась Аля. — Сто раз тебе объясняла: я целевая студентка, меня только через два года отпустят...

— Да не надо никуда уезжать! — продолжал радоваться Валентин. — Я сам к тебе приехал. Насовсем!

— А комната московская? Забронировался? — спросила надеждой мать.

Разговор продолжался дома у Али, в той самой квартире, где они жили и теперь.

— Нет! Выписался с концами!

Только сейчас Валентин заметил Алино смятение, даже испуг. И счастливое опьянение, в котором он пребывал всю дорогу из Москвы, начало улетучиваться.

— Ну, подождали бы два года... Я бы к тебе приехала. Все таки Москва, — неуверенно сказала Аля.

— Да не хочу я ждать! Не собираюсь!.. Мало ли что может случиться за два года? Верно, Евдокия Петровна?

Алина мать ничего не ответила, только вздохнула. И Валентин продолжал, словно уже оправдываясь:

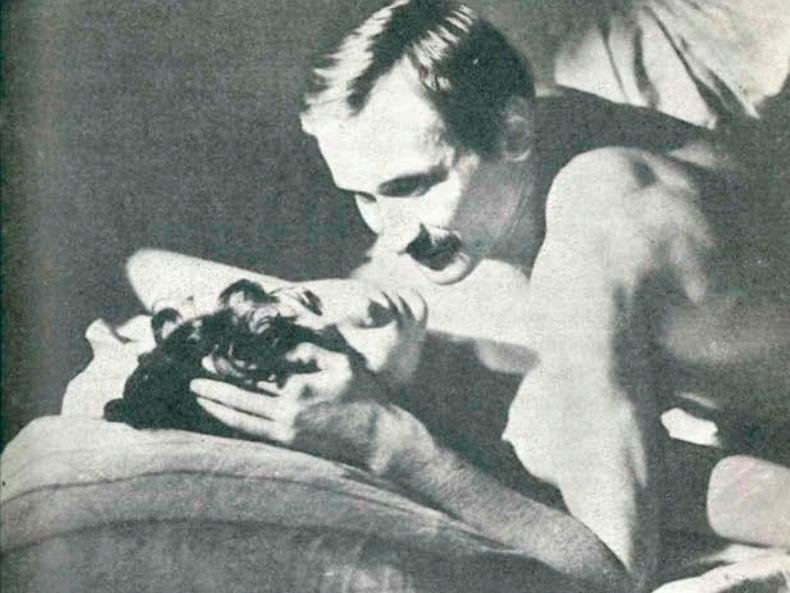
— Алечка у вас красавица, умница. И характер золотой. От женихов, я это точно знаю, отбоя нет. Найдется какой-нибудь гусар и уведет!

— Гусар еще какой-то... Совсем с ума сошел, — сказала Аля и заплакала.

— Ничего подобного. Самое разумное решение... Я тебя люблю, ты меня любишь, мама у тебя хорошая, добрая... Прекрасно будем жить: стану работать в малой авиации... Не всем же в «Илах» летать!

Продолжая всхлипывать, Аля улыбалась ему и кивала головой.

Когда Ненароков вернулся в комнату, теща сидела и смотрела на телевизор, боясь обернуться: не любила скандалов. А жена, вы

вывалив на стол из вьетнамской шкатулки семейный архив, яростно рылась в фотокарточках. Все фотографии, на которых Аля была снята вместе с мужем, она рвала на мелкие кусочки. Весь пол был уже усеян серыми клочками.

— Ну чего тытворишь? — сказал Ненароков устало. — Ведь завтра жалеть будешь.

— Я об одном жалею! — закричала Аля. — Что дура была, что позволила тебе мою жизнь испортить!

Разбуженный криком, захныкал в соседней комнате Алик. Ненароков пошел утешать, но Аля опередила его, первая подбежала к детской кроватке.

— Не плачь, солнышко, не плачь! Ты мое солнышко, ты моя радость!.. Ведь ты мое солнышко? Ты моя радость?

Она стала совать сонному Алику какое-то печенье. Ненароков с неудовольствием смотрел, как падают в постель жесткие крошки.

— И не нужен мне больше никто! — сказала Аля, повернувшись к мужу. — Не нравится тебе с нами — уходи! Подавай на развод, пожалуйста. Хоть завтра!

— Ну что ты, Аля! Ну зачем нервничать?.. Я ж тебе, по-моему, ничего обидного не сказал.

Все ссоры кончались у них одинаково...

В комнате Скворцова было темно. Играла тихая музыка. Игорь с Тамарой лежали в постели. Она приткнулась щекой к его плечу, а он, глядя в потолок, говорил убежденно:

— Бывают мужчины, которые женятся. На здоровье! Дай им даже отвернулся, чтобы не видеть ее слегка округлившегося бог счастья... А есть, которые не женятся до конца жизни. Вот живота.
я как раз из таких. Не буду врать, я влюблялся — и не один раз, и очень серьезно... Но никогда, ни одной я не давал никаких обещаний. Потому что знал: семейная жизнь — это мимо... Без меня. Ничего не обещал и никого не обманул!

— Это мне в тебе и понравилось: независимость и откровенность... Ну, не только это, но это тоже,— сказала Тамара и поцеловала его в плечо. Он обхватил ее голову, крепко прижался губами к губам. Но тут зазвонил телефон.

Игорь дотянулся до трубки, недовольно сказал:

— Да!.. Привет... Нормально... Нет, это не получится... Утром сок улетаю. В командировку... Да, надолго. На полгода... Угу...

Когда он положил трубку, Тамара спросила небрежно:

— Почему на полгода? Считаешь, у нас с тобой только нация... полгода?

— Ну... Я же не могу сказать: уезжаю в командировку на всю жизнь!.. А ты, старуха, уже ревнуешь?

— Никогда и ни за что! — запротестовала Тамара.— Ревнуйте, у кого комплекс неполноценности... А у меня другие комплексы...

Игорь поднялся, переменил пластинку на проигрывателе. Потом присел на постель и снова заговорил:

— Но мы с тобой толковали о серьезных вещах... Женщины пошли на уравнены в правах с мужчинами. Но заметь, как редко вырам «за погодой»... пользуетесь равноправием в отношениях с нами! У всех какое-то атавистическое, бессмысленное, даже унизительное желание выскочить замуж.

— Да, ты прав. Прав абсолютно,— с готовностью согласилась Тамара. А Игорь продолжал:

— Раньше, когда женщина полностью зависела от мужчины, это было естественно. Надо было прицепиться, прилепиться, чтобы выжить. А теперь?.. Она кандидат наук, обеспечена лучше любого мужика — потому что не пьет... А держится обеими руками за какое-нибудь ничтожество. Муж, не кто-нибудь! Семья!.. Ну и бред?

— Конечно, бред. Я буквально то же самое говорю девчонкам... Просто интересно, как мы с тобой одинаково думаем!

Тимченко ужинал с женой и дочерью. Он чистил себе яблоко, а жена говорила:

— Напрасно ты не ешь с кожурой. В ней все витамины.

Тимченко не ответил. Его раздражало присутствие дочери. Он старался не глядеть на нее, а когда она встала из-за стола,

даже отвернулся, чтобы не видеть ее слегка округлившегося

С опаской поглядев на мужа, Анна Максимовна сказала:

— Наташенька, ты бы вышла погулять. Подыши воздухом.

— Я лучше почитаю.

— Ну хоть окно открои.

Когда за Наташей закрылась дверь, Андрей Васильевич напустился на жену:

— Воркуете, как две подружки: ля-ля, ля-ля! Наталья кругом виновата, и нечего с ней либеральничать!.. Пускай чувствует.

Вздохнув, Анна Максимовна пододвинула к мужу морковный

— Ты с ней не разговариваешь, и я не должна?.. А к твоему сведению, у девочки температура. В ее положении всякая инфекция...

— В ее положении! — буркнул Тимченко.— Бачили очи, что

купували.

Экипаж Андрея Васильевича Тимченко готовился к полету. Сначала все побывали у врача. Каждому проверили пульс. Все в порядке, врач поставил штамп в полетном задании.

...Потом разделились: бортинженер со своим чемоданчиком

...Тимченко поговорил с командиром отряда. Они были старые друзья. Тимченко поговорил с командиром отряда. Они были старые

— Андрей,— сказал командир.— Трошкин шел из Алжира, так у них там грозы, вторые сутки фронт стоит... Ты в курсе?

— Угу.

— Ну и как планируешь?

— Думаю, на одиннадцать тысячах пройду. Вес к этому времени у нас будет малый. Пройду.

...Бортинженер Игорь Скворцов был уже в кабине «Ту-154». Он осмотрел доски с приборами — панель штурмана и свое рабочее место по правому борту. Пощелкал тумблерами, проверяя

количество топлива, а потом отправился осматривать салоны. Он прошел между рядами пустых кресел в самый хвост, убедился, что пожарные баллоны на месте, заглянул в туалет и не торопливо отправился назад. Тамара раскладывала пледы для пассажиров.

— С питанием задержки не будет? — спросил он деловито. Тамара обернулась.

— Ждем... Игорь, как я рада, что мы вместе летим,— сказала она, понизив голос.— А ты?

— Что я, глупее тебя? Тоже рад, очень рад.— Он поцеловал ее в уголок рта, чтобы не смазать помаду.— Только, Томкин, хочу тебя предупредить: наши отношения остаются на земле, дожидаются, пока мы вернемся. А в воздухе у тебя и у меня есть только работа и ответственность... Не обижайся, это закон.

Тамара неуверенно улыбнулась.

— Какой ты, оказывается, законник... А может, ты проста, Васильчика боишься?

Игорь пожал плечами.

— Ты меня еще мало знаешь. Я не боюсь ничего. А в частности, никого.

...В штурманской — большой комнате, в центре которой стоял макет аэропорта, а на стенах висят карты и схемы заходов на посадку в разных портах мира,— готовились к полету члены нашего экипажа. Командир рассматривал карту погоды, штурман записывал в журнал курсы для предстоящего рейса, второй, нахмурившись, колдовал над центровочным графиком — схемой распределения грузов в самолете.

...И вот все трое — командир, второй и штурман — идут по бетонным плитам к своему самолету, каждый с чемоданом или портфелем.

Одна из бортпроводниц наблюдала за погрузкой багажа. Стояли у трапов молчаливые внимательные пограничники. Предъявив паспорта, экипаж поднялся в кабину.

Только Тимченко остался на земле. К нему спустился Игорь. Командир вместе с бортинженером обошли напоследок самолет, и, не обнаружив непорядка, тоже поднялись наверх.

...Подъехали автобусы с пассажирами, началась посадка.

...В салонах пассажиры обживались на новом месте. Привыкнув закидывать на полки плащи и шляпы, доставали книжки; матери устраивали поудобнее детей.

...Теперь предстояло зачитать последние четыре пункта «ката». Это, собственно, не карта, а пластиковая дощечка с десятью подвижными табло. Штурман начал переводить табло слева направо, открывая надписи. Каждую он зачитывал вслух:

— Генераторы!

— Включены,— ответил бортинженер.

— Давление!

— Давление семьсот пятьдесят выставлено, высота ноль, ответили по очереди второй и командир.

— Рули!

— Проверены и свободны,— сказал командир.

Покончив с картой предполетной проверки, штурман сказал, полагающеся:

— Карта выполнена, все графы зашторены.

Тимченко снова связался с землей.

— Разрешите занять исполнительный.

«Ту-154» вырулил на белые полосы исполнительного старта.

Впереди лежала просторная бетонная дорога — ВПП.

— Шереметьево! Я восемьдесят пять четыреста пятьдесят один,— сказал командир.— Рули опробованы, к взлету готов.

— Взлет разрешаю,— послышался ответ диспетчера.

— Двигателям взлетный режим,— приказал Тимченко Игорю.

— Двигатели на взлетном! — ответил бортинженер, передвинув рукоятки.

— Экипаж, взлетаем. Рубеж двести шестьдесят.

Андрей Васильевич надавил кнопку часов и передвинул секторы газа вперед. Штурман вслух называл скорость:

— Сто пятьдесят...

Все ускоряя ход, огромная машина бежала по взлетной полосе.

— Сто восемьдесят...— говорил штурман.— Скорость принятия решения! Скорость подъема! Скорость отрыва!

Андрей Васильевич взял штурвал на себя, тряска сразу прекратилась, и колеса «Ту-154» оторвались от бетона. В стомиллионный раз произошло чудо, которому в наши дни удивляются только маленькие дети. Целый дом с двумя сотнями жильцов, с кухней, лифтом, кладовыми, уборными вдруг покинул землю и улетел в небо...

Напряжение и даже некоторая торжественность взлетного ритуала давно сменились в кабине будничной атмосферой полета. Тимченко сказал в микрофон:

— Девушки, принесите-ка нам кофейку.

— Все на кофеек нажимаем, — заметил второй пилот. А между прочим, скоро медкомиссия. Не боитесь за сердечко?

— Это вам, ветеранам, надо бояться, — благодушно отозвался Игорь Скворцов. — А я, например, сердце не чувствую. Есть даже такое мнение, что его у меня вообще нет.

— Бойся не бойся, а найдут что-нибудь — все равно спишут, — сказал штурман, тихий лысоватый человек. — Раньше, деть в артистки, кто ж вас смотреть-то будет! Короче говоря, правда, я этих комиссий опасался, а теперь перестал... Так и так пора менять специальность.

— Давно не слышали, — усмехнулся второй. А штурман продолжал свое:

— Отмирает же профессия! На «Иле-86-м» штурманов вообще не будет. Не предусмотрено...

— Извините, Владимир Павлович, но я не понял, — поинтересовался Игорь. — Вы, может быть, до ста лет собираетесь лётать? Так это маловероятно... А лет на двадцать работы для штурманов плечистые, настороженно молчаливые. Когда Тамара предложила им коньяк, спросив по-английски: «Сам брэнди, джентльхвятит.

— Ну, засели панихида! — сказал Андрей Васильевич с неожиданным раздражением. Он был старше всех по возрасту и разговаривал о медкомиссии тревожил его всерьез. — До ста, не до ста! Меняйте, ребята, пластинку.

Вошла бортпроводница, принесла всем кофе.

«Ту-154» приземлился в одном из самых больших аэропортов Европы. На здании аэровокзала было написано «ФРАНКФУРТ».

Тамара шла по огромному, как город, аэровокзалу — мимо киосков, магазинов, баров, составлявших целые улицы; мимо леньких телевизоров перед креслами в зале ожидания (опустите монетку и смотри, короткая время); мимо бесчисленных стоек их там больше восьмисот — с названиями и эмблемами всех авиалиний мира.

Возле стойки Аэрофлота она задержалась и спросила у неких сотрудниц:

— Улли, Скворцов у вас?

Немка покачала головой, и Тамара пошла дальше.

...Возле пожарного депо, где пожарники проверяли готовность водяных пушек — вооружение огромной, похожей на красный троллейбус машины, ей повстречался Тимченко.

— Тома, я тебе хочу испортить настроение. Я наблюдал, как ты работаешь с пассажирами, и мне не нравится.

— А что именно, Андрей Васильевич?

— Выражение лица, вот что! Пассажиры тебе неприятны, работа эта для тебя низкая: ты ее делаешь словно одолжение... Я уже давно заметил: прихожу в магазин, в ресторан, там красивая девочка — официантка или продавщица. И на лице прямо напечатано: я бы могла артисткой выступать, а должна вам колбасурезать. При моей-то красоте!..

Тамара слушала эту нотацию, украдкой поглядывая по сторонам. А Андрей Васильевич продолжал поучать ее:

— Все хотят в артистки. Но ведь всем нельзя! Если вы все пойдет в артистки, кто ж вас смотреть-то будет! Короче говоря, Тамара, надо менять стиль работы... Ну пойми, ты в авиации, ты летаешь! Что в жизни может быть лучше этого?.. Лично я не знаю.

Рейс продолжался. Часть пассажиров сошла во Франкфурте, а несколько человек села. В салоне первого класса летел теперь

молодой африканец в светлом костюме и непонятной парчовой шапочке. Рядом и сзади сидели еще двое в таких же шапочках — Так это маловероятно... А лет на двадцать работы для штурманов плечистые, настороженно молчаливые. Когда Тамара предложила им коньяк, спросив по-английски: «Сам брэнди, джентльхвятит.

— Ну, засели панихида! — сказал Андрей Васильевич с неожиданным раздражением. Он был старше всех по возрасту и разговаривал о медкомиссии тревожил его всерьез. — До ста, не до ста!

— Спасиба. Вспомнив поучения командира, Тамара вежливо улыбнулась в ответ.

Аэропорт в этой маленькой африканской стране был новенький, современный, но очень скромный. Африканца, улыбнувшегося Тамаре, ждал прямо у трапа белый лимузин.

Пожав на прощание руку Андрею Васильевичу, молодой африканец пригласил его вместе с экипажем в гости:

— Ай хоуп ту си ю эт май плэйс тунайт, кэлтэн. Ю энд ер кру, — сказал он по-английски и по-русски добавил: — На чашка чайка.

Он сел в белый автомобиль и уехал вместе со своими телохранителями.

— В гости зовет. Как думаешь, надо пойти? — спросил Тимченко у встречавшего самолет представителя Аэрофлота.

Представитель, загорелый энергичный человек, не колебался ни секунды.

— Считаю, отказываться не надо. Этот парень здесь знаешь кто? Министр авиации... Учился в Москве. К нашим относится очень хорошо.

И представитель побежал в свою контору оформлять какие-то документы.

Подтянутые, сдержанные, как дипломаты, летчики вылезли из белой машины, которую прислал за ними министр, и направились к дому. По дороге Андрей Васильевич инструктировал Тамару:

— Я тебя взял, потому что ты лучше всех по-английски говоришь. Вот и разговаривай, поддержи марку.

— Да нас и пригласили-то из-за Тамары, — сказал второй. Он на нее глаз положил.

Андрей Васильевич не позволил себе улыбнуться:

— Будем считать, что нас пригласили как представителей дружественной державы... И еще, Тома: предложат выпить — и отказывайся. Налей чуть-чуть, добавь доверху тоник или содову, и с одним стаканом ходи хоть весь вечер... Они ведь пьют по-своему, не как у нас.

...Во внутреннем дворике большого одноэтажного дома стоял стол, а на нем полно бутылок. Летчики добавили к ним московскую с винтом, маленький подарок хозяину.

Тот очень обрадовался присутствию Тамары, но поздоровался с всеми одинаково сердечно:

— Добри ден, добри ден!.. Глэд ту си ю, май френдз.

Летчики налили себе по-заграничному: на два пальца виски на четыре пальца содовой. А молодой министр открыл московскую, налил себе стаканчик, сказал: «Поехали» — и выпил залпом. Тамара ехидно посмотрела на Андрея Васильевича, но тот спокойно прихлебывал свою слабенскую смесь.

...Потом включили музыку и министр танцевал с Тамарой Сверху, с черного неба, светила луна, с боков — подвесные фонарики. Затем Тамару перехватил Игорь — он немножко ревновал ее к хозяину, а она, единственная дама в мужской компании, радовалась музыке, теплому ночному воздуху, тому, что Игорь рядом с ней и что он ревнует...

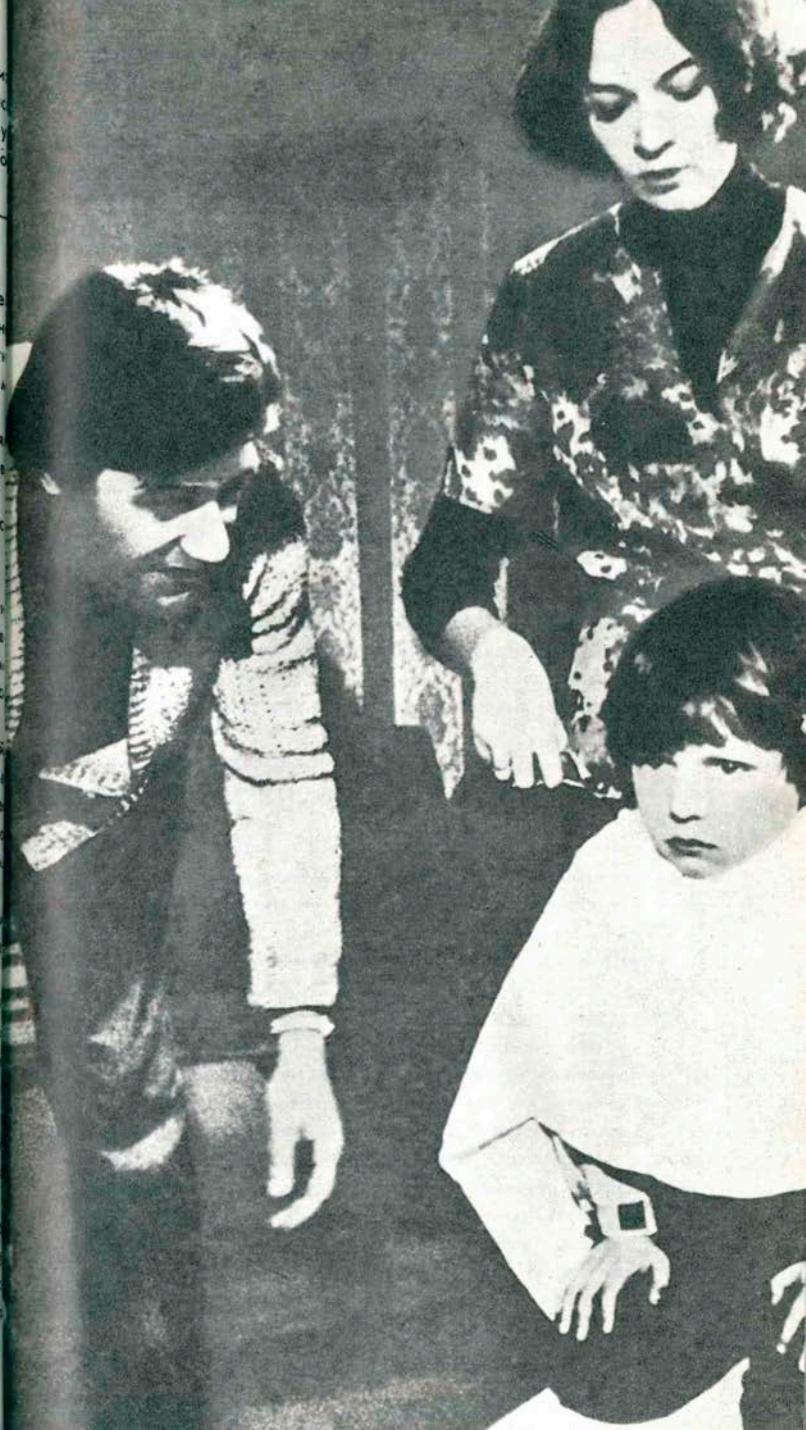
Утром, прогуливаясь под пальмами возле аэропорта, Тищенко опять читал Тамаре нотацию. Вернее, это было предостережение:

— Имей в виду, Скворцов — человек для семьи совершенный, неподходящий. Механик он первоклассный, этого не отнимешь, но с женщинами... Поэтому советую: если он начнет к тебе клеиться, гони его ко всем чертам!

— Спасибо, я так и сделаю. А если не начнет?

— Да ты не улыбайся. Вы все так. Каждая думает: «Пускай он с другими плохой, а я такая красавица, такая умница, что с мной он будет очень хороший...» А после плакать придется!

Тамара слушала и смотрела вбок, на губастого старика, который демонстрировал желающим дрессированную обезьянку. Обезьянка кувыркалась на асфальте, и Тамаре очень хотелось подойти и посмотреть. Но прерывать командира было неудобно.

— А знаете, кого я сегодня вез? — говорил Валентин Ненароков, стягивая свитер. — Изюбра и нутрий для заповедника. Он у меня...

— Мама! — громко перебила Аля. — Гляди, веник весь обтерхался. Неужели нельзя новый купить?

Мать промолчала, чтобы не мешать рассказу Валентина. Но Аля хотела именно мешать: она была не в духе и, как всегда вымешала это на муже.

— Да... Так вот, еле их довез. Они у меня... — снова начали Ненароковы, но жена опять перебила:

— Ты за квартиру заплатил?

— Заплатил... Я ж тебе говорил.

— А за свет?

— И за свет. И за телефон. Ты нарочно перебиваешь? Ты Алику буду рассказывать, раз тебе неинтересно... Алик, изюбра это знаешь кто? Такой олень. У него рога, как... Как...

Найти сравнение Ненароков не успел.

— Алик, иди стричься! — скомандовала Аля. — Мама, ей надо подстричь.

— Прямо сейчас? — робко спросила Евдокия Петровна: она понимала, что Аля добивается ссоры, и заранее жалела зятя.

— А когда? Когда у ребенка колтун событесь?.. Алик, иди сюда! Кому сказано?

Алик уперся, хныкал. Мать шлепнула его по попке, тогда он заплакал всерьез.

— Ну что ты делаешь? — с досадой сказал Ненароков. — Не меня злишься, а его бьешь... Не плачь, сынка. Смотри, чего я тебе привез.

Он пошел в коридор и вернулся с картонной коробкой. В нее сидел детеныш нутрии, покрытый грубым пухом, с перепончатыми, как у утки, лапками, но не красными, а черными.

— Мы!.. Мы! — обрадовался Алик.

— Ну, не мышка, но вроде. Нутрия. Мне в питомнике подарили.

Аля только этого и ждала.

— Ты чего на стол крысу ставишь? Убери сию минуту!

— Правда, Валечка. Уж на стол-то не надо бы, — сказала и Евдокия Петровна. А дочь уже перешла на крик:

— В помойку ее! В ведерке утопить гадость эдакую... Это нарочно, мама, чтоб на нервах моих поиграть!

Ненароков слушал, слушал — и наконец не выдержал:

— Да ты замолчишь когда-нибудь? Ну что за жизнь та кая?!

— Тебе не нравится? Так уходи — никто не заплачет! Разве демся, и дело с концом!

— Вот опять ты, Аля... Зачем глупости говоришь? И Ненароков отступил в привычном направлении: на крыльца.

...Он сидел с незажженной сигаретой и вспоминал разговор, который часто приходил ему на память за эти пять лет.

Командир отряда — это был Андрей Васильевич Тимченко — никак не хотел отпускать Ненарокова из Москвы.

— Время летнее; перевозок много, и вот, на тебе... Хороший летчик вдруг бросает все и уходит. И куда? В малую авиацию!

Андрей Васильевич — всегда рассудительный, спокойный, даже флегматичный — сейчас нервничал: ходил по комнате, говорил сердито:

— Разве это дело по тебе? По твоим способностям?.. Тебя учили, выучили, а ты?.. И ребят подводишь и меня.

— Личные обстоятельства, Андрей Васильевич, — многозначительно напомнил Ненароков.

— Да знаю я твои обстоятельства!.. Стоишь передо мной и гордишься: ради своей великой любви всем пожертвовал, ничего не пожалел!.. Любовь, конечно, серьезное дело, но есть дела и поважнее...

— Какие, Андрей Васильевич? — искренне удивился Ненароков.

— А, что с тобой толковать... Пожалеешь, Валентин, пожалеешь, да поздно будет!.. Ведь назад попросишься, а я тебя взять не смогу.

— Нет, Андрей Васильевич. — Ненароков сиял счастливыми глазами. — Не попрошусь...

Валентин встал, постоял немножко и пошел с крыльца в дом. Аля выкрикалась и была уже в другом настроении. Улыбнулась мужу, спросила почти весело:

— Кушать будешь? Холодец очень вкусный.

— Знаешь, Аля, ты правильно говоришь. Давай разводиться. Аля не поверила, даже засмеялась.

— Да ты что?.. Из-за крысы разводиться?

— При чем тут крыса...

...Оставаться дома Ненарокову не хотелось. А пойти было не к кому. Он вернулся на аэродром.

— Валя, подежуриши, пока я поем? — обрадовался ему приятель вертолетчик. Валентин молча кивнул. Он забрался в пустой вертолет, сел за штурвал и стал глядеть в окно кабины. Ничего там

не было интересного: поле, а на нем три самолета и один вертолет «Ми-4». За полем лес, на который он чаще смотрел с воздуха, чем с земли. Все было знакомо, все было понятно — на душе постепенно становилось легче, легче. Валентин сам не заметил, как заснул, сидя на своем привычном месте...

Тимченко один подъехал к дому на своей «Волге»: на этот раз жена не встретила его в аэропорту. Андрей Васильевич взял с заднего сиденья чемодан, портфель и пошел к подъезду. Краем глаза он заметил во дворе неотложку, но не придал этому значения... Правда, когда он увидел сбегающую ему навстречу по ступенькам молодую врачиху, что-то заставило его ускорить шаги...

Он открыл дверь, шагнул в прихожую и с облегчением увидел, что жена на ногах.

— Фу ты черт, а я уж подумал, не к нам ли неотложка.

— К нам, к нам! — Анна Максимовна торопливо поцеловала мужа. — Наталье плохо, прямо беда.

Отец встревожился, хотя постарался не показать виду.

— А что такое?

— У нее грипп был, помнишь?

— Ну помню. Грипп.

— Он дал осложнения, и теперь у Наташки жуткие боли, бог знает что!

Тимченко снял плащ, сел.

— Такая уж боль, что нельзя терпеть? — недоверчиво спросил он.

— Именно что нельзя! А она терпит. И хочет дальше терпеть... Болеутоляющие исключены: это может повредить ребенку. А на характере терпеть — это свыше сил человеческих, ты мне повери!..

— Какой же выход? — после долгой паузы спросил Тимченко.

— Я советовалась с Лещинским. Он говорит: не надо мучиться, надо прервать беременность. Но ты ж ее знаешь... Кушать будешь?

— Нет.

— А чаю?

— Нет... Я к ней пойду.

— Я тебя умоляю! — встревожилась Анна Максимовна. — Мы с профессором не уговорили, а ты уговоришь? Только поругаешь еще хуже... Да она заснула, наверно. Не буди!

Из Наташиной комнаты послышался жалобный, почти детский вскрик. Анна Максимовна кинулась в дверям. Но Наташа сама вышла в большую комнату, похудевшая, некрасивая, в стареньком махровом халате.

— Опять? — спросила Анна Максимовна.

— Мама, я больше не могу! Не могу я! — выкрикнула Наташа и скривилась, скрючилась от боли. — Я согласна в больницу! Поедем сейчас, можно?

Мать подхватила ее, увела обратно, уложила в постель.

— Сейчас ночь, деточка... Ты столько терпела — потерпи уж до утра... А утром папа отвезет нас.

— Он приехал? — занятая своей болью, Наташа даже не замечала отца.

...В большой комнате Тимченко ходил из угла в угол. С грелкой в руках пробежала на кухню Анна Максимовна. Из-за Наташиной двери не доносилось ни звука. Андрей Васильевич постучал тихонько и вошел к дочери.

Наташа сидела на кровати, перегнувшись вперед, и безостановочно покачивалась. Она исподлобья глянула на отца, но ничего не сказала.

— Наташа, ты же хотела ребенка.

— Я уже сказала, что не хочу, — жалобно проговорила она. — Что тебе еще надо?

— Обожди... Это ты сама или доктора за тебя решают? Или это твоя боль за тебя решила?.. Сейчас здорово больно?

— Сейчас терпимо.

— Вот и поговорим, пока можно...

Наташа заговорила раздраженно и сбивчиво:

— Я не соглашалась, я не хотела его терять, ни за что не соглашалась — мама тебе скажет... Терпела, терпела, терпела, но настал мой предел. Больше не могу.

— Тогда я тебе так скажу. Ты все делаешь по-своему, со мной не считаешься и сейчас поступишь по-своему. Но только запомни: если человек сделал не как хотел, а поддался боли, или страху, или еще какому-нибудь на него давлению — после и жалко и стыдно будет, а уже не переделаешь... А между прочим, человек — это такой прочный механизм, что может вытерпеть бесконечно много. Больно, а ты терпи. И придет вроде второго дыхания — легче станет!

В комнату заглянула Анна Максимовна и, обрадовавшись, что разговор идет мирный, вышла: не хотела мешать.

— А я думала, ты, наоборот, рад будешь, — горько сказала Наташа. Тимченко поглядел на нее и ничего не ответил. Она смущалась, неуверенно улыбнулась отцу.

Красный «жигуленок» шел в потоке машин по Садовому кольцу. Сидя рядом с Игорем, Тамара говорила:

— В Токио, конечно, очень интересно. Совершенно ни на что не похоже. Но я жутко устала. Жутко... Может, оттого, что не с тобой летала.

— Маловероятно, но все равно спасибо.

Тамара помолчала, потом ни с того ни с сего спросила:

— А вот скажи, Тимченко — он тупенький?

— То есть?

— Ну... Не просекает. Он меня опять против тебя предупреждал!.. Говорил: если будет к тебе клеиться, гони его в шею.

— Ну и что в этом глупого?

— Нет, серьезно.

— А серьезно вот что: в своем деле он академик. А вообще-то я ангелов не люблю... Не врет, не пьет, жене не изменяет... А для меня однозначно: если мужик не изменяет жене, значит, уже отстрелялся. Или жена такое гестапо, что от нее не побегешь... Так что это не заслуга... Но мы отклонились. Я его не люблю, но глубоко уважаю. Именно за ум. В воздухе умнее его человека нет... Там он и дипломат, и организатор, и психолог. И не потому, что прочел сто книжек по психологии — он их вообще не читает. А просто прирожденный лидер.

— Ну, это не ум. Это что-то другое.

— Ум. Пойми, ум не может быть универсальным. Все мы умные — и все по-разному... Поэтому на Таганку ходи со мной к насчет Бермудского треугольника — тоже ко мне. А по всем остальным вопросам обращайтесь к товарищу Тимченко.

Машина выехала в узкий проезд между метро и театром и остановилась. Игорь и Тамара стали пробираться сквозь вежливую толпу ко входу.

Игорь и Тамара лежали в постели. Горел только ночник. Игорь уже дремал. А Тамара, взбудораженная хорошим вечером, все не могла заснуть.

— Не спи! Не смей спать! — требовала она. — Сейчас буду рисовать твой портрет. — И она пальцем стала обводить контур его лица. — Лоб низкий, без морщин. Все понятно: человек не думает, не страдает... Нос хрящеватый, хитрый...

От легкого прикосновения было приятно, хотя и щекотно. Игорь улыбался, но не открывал глаз.

— Рот у тебя слабый и жадный... Но не злой.

— И на том спасибо, — пробормотал Игорь.

— Не нравится? Пожалуйста... Зачеркнем и нарисуем снова. Она пальцем «перечеркнула» лицо Игоря и стала обводить заново.

— Лоб широкий, ясный... Нос тонкий, энергичный... Рот мой любимый, мой мягкий, мой ласковый...

Она поцеловала Игоря в губы и замерла, прижалась лицом к его лицу.

Перед тем как отойти ко сну, Тимченко решил съесть яблоко. Он чистил его, а жена в сотый раз говорила:

— Напрасно ты не ешь с кожурой. В ней все витамины.

Андрей Васильевич, занятый своими мыслями, не ответил.

В спальню вошла Наташа, спокойная, веселая, с заметно уже округлившимся животиком. Она поцеловала мать.

— Спокойной ночи, родители.

Потом потерлась носом о щеку отца, схватила с тарелки самое красивое яблоко и ушла к себе.

Тимченко машинально протянул руку, давая измерить себе давление, и вдруг объявил:

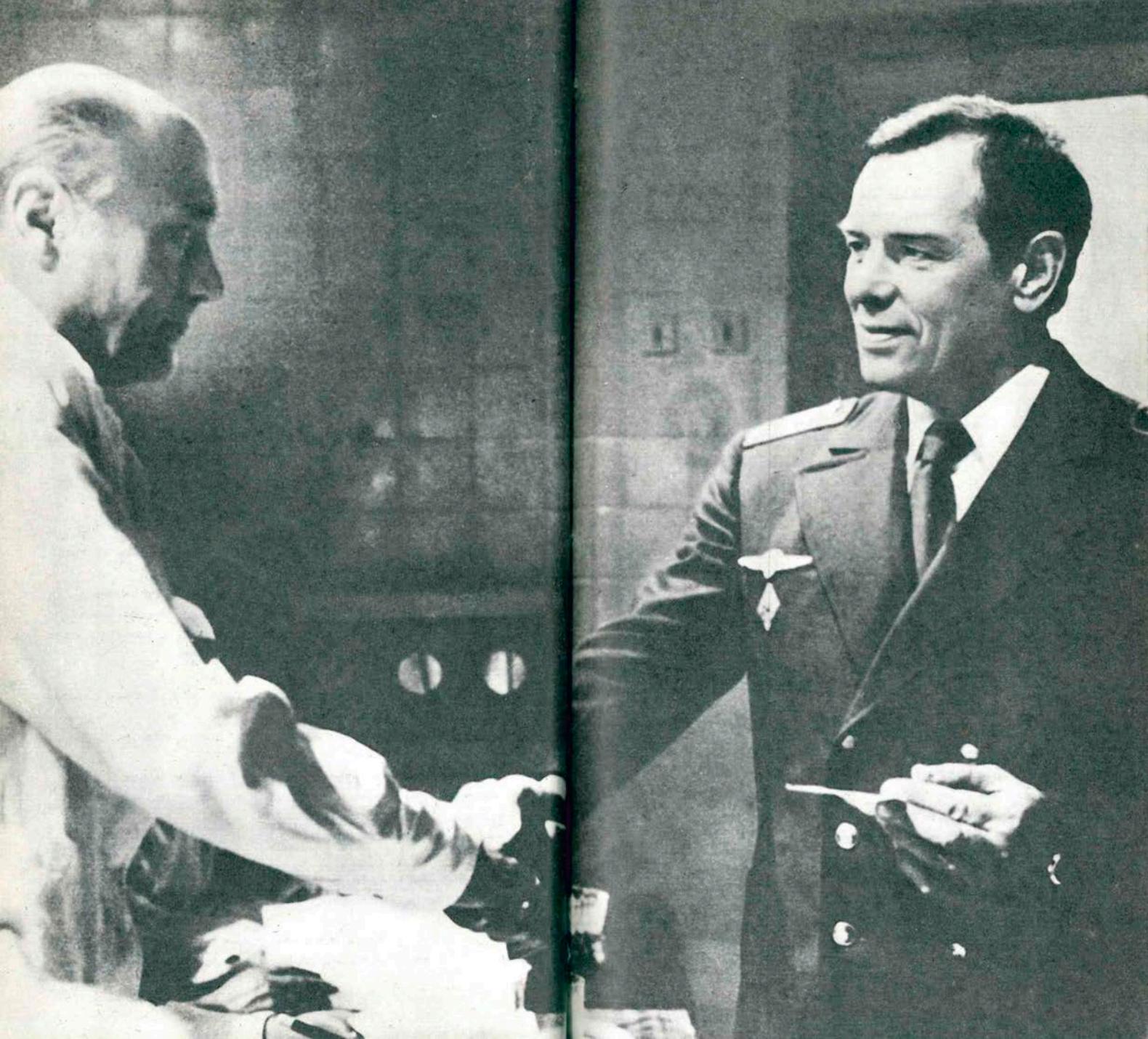
— Послезавтра в госпиталь ложусь. Годовая медкомиссия.

Анна Максимовна развелновалась, даже бросила резиновую грушу прибора.

— Я так и знал!.. Каждый год одно и то же: говоришь мне за день.

— Ну раньше бы сказал — какая разница? Не в тюрьму ведь иду, сухарей сушить не надо... Отдохну месяц... И нет причин волноваться...

— Да, да... Как будто ты не волнуешься.— Анна Максимовна уже взяла себя в руки.— На меня нашумел ни за что ни про что.

А между прочим, волноваться тебе нечего. Ты в прекрасной форме — говорю как врач.

Андрей Васильевич помолчал, потом сказал грустно:

— Конечно, волнуюсь. С каждым годом все больше... Это только коньяк от возраста становится лучше.

Весь экипаж Тимченко проходил комиссию одновременно.

Летчикам проверяли зрение...

Слух...

Брали кровь на анализ — из пальца, из вены...

Усеянные датчиками, сидели они в белых строгих кабинетах, среди приборов и циферблотов... Стояли на рентгене, лежали на электрокардиограмме.

Крутили педали велосипеда, поднятого над полом, — это проверялась работа сердца под нагрузкой...

Вечерами смотрели телевизор... Играли в домино, в шахматы, читали... А утром опять разбредались по кабинетам.

... И вот пришел последний день. Андрей Васильевич стоял в кабинете главврача и спрашивал с улыбкой:

— Ну как, товарищ профессор, не пора еще подковы сдирать?

— То есть? — не понял профессор.

— А это когда коняга старый отработает свое, пора на живодерку, так с него подковы сдирают, чтоб не пропадало добро.

— А-а... Нет, до этого еще не дошло... Летайте.

— А велосипед?

— Велосипед вы крутили так себе. Хуже, чем в прошлый раз.

— Так я ж не велосипедист, — улыбнулся Тимченко. — Я летчик.

Он вышел в коридор и увидел своего второго пилота — расстроенного и бледного. С лица Андрея Васильевича сползла улыбка.

— Что такое?

— Списали... Отлетался... Андрей Васильевич, что же это получается? Я ж тебя моложе на восемь лет!

Бессознательный эгоизм этих слов не обидел Тимченко. Он прекрасно понимал, что творится сейчас в душе второго.

— Миша, ну что тебе сказать? Это как у Пушкина: «Сегодня ты, а завтра я». — Он говорил, а сам чувствовал, как неубедительно звучат его утешения. — И потом, на земле тоже работа. Все равно ты в авиации. Найдут тебе должность, и вообще... А, вались все! Пойдем выпьем.

Снова «Ту-154» летел в Африку. В кабине шел спокойный веселый разговор.

— Мой Вовка, — рассказывал штурман, — в сочинении написал: «Бывали в моей жизни невзгоды, но бывали и взгоды...»

— Как-как? — не понял Тимченко.

— Взгоды, — повторил штурман. А Игорь Скворцов похвалил:

— Логично! Раз есть невзгоды, должны быть и взгоды. Словотворец... Сколько ему поставили?

— Трояк.

Второй пилот — он был новенький и в обсуждении Вовкиных дел участия не принимал — спросил у командира:

— Андрей Васильевич, а кому вы самовар везете?

— У нас там кореш появился, — объяснил штурман. — Не какой-нибудь, а министр авиации.

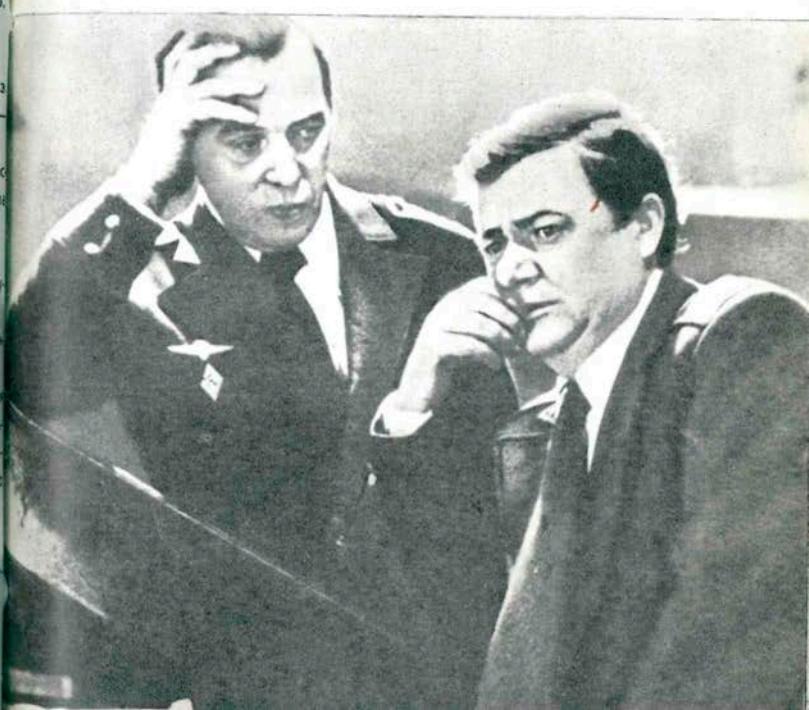
— Хороший мужик, — кивнул Тимченко. А штурман с преувеличенным сожалением посмотрел на Игоря.

— Да... Наверно, встречать придется, а Тамары-то и нет.

...Самолет, скользя по невидимому склону, приближался к посадочной полосе... Пилот приподнял нос машины, выдержал ее над полосой — и вот колеса мягко, неслышно соединились с землей. Только дым от горевшей резины улетел назад, и громадная машина покатила, успокаиваясь, по своей бетонной дороге.

...Когда летчики вышли из кабины, у трапа их ждал представитель Аэрофлота, огорченный и встревоженный.

— Андрей Васильевич, — сказал он. — В стране волнения.

Что именно происходит, пока непонятно, но очень похоже, что это начали мятеж правые...

А Тимченко и без его объяснений видел, что аэропорт заняли военные. Перегородив перрон, стояли шеренгой автоматчики, ехал по взлетному полю бронетранспортер с тяжелым зенитным пулеметом, а издалека, из города, доносился знакомый с войны гул — там шла стрельба.

Бронетранспортер стал боком, загородив дорогу готовой к выруливанию бело-красной «Сессне».

Летчики, у ног которых стояла коробка с электрическим самоваром — подарок министру авиации, — смотрели молча, как министра выволокли из кабины «Сессны», как застрелили в упор одного из его телохранителей, как министра потащили, подгоняя прикладами автоматических винтовок, как затолкали в бронетранспортер. Белый костюм молодого африканца был уже в крови, парчовая шапочка слетела.

— Товарищи, в город ни в коем случае, — говорил представитель Аэрофлота. — Аэропорт пока что не закрыт, вылетите обратным рейсом по расписанию...

В креслах с высокими спинками сидели две женщины, народные заседательницы, а между ними мужчина — судья.

— Слушается дело по иску Ненарокова Валентина Георгиевича к Ненароковой Алевтине Федоровне об отобрании ребенка... Секретарь, дождите явку в судебное заседание...

— Истец явился, ответчица явилась, — торопливо ответила девушка-секретарь. — Свидетель Мишакова явилась, представитель рено явился...

Истец Ненароков и ответчица Аля сидели неловко и напряженно поодаль друг от друга. Одета она была небрежно, выглядела плохо — с покрасневшими, злыми глазами и решительно скоженным ртом, — но все равно Ненарокову она казалась такой красивой, такой желанной!

На коленях Аля держала Алика, крепко прижимая его к себе, как бы показывала этим, что никому его не отдаст.

— А ребенок зачем? — неодобрительно сказал судья. — Нечего ему тут делать. Ребенка уберите.

...В коридоре свидетельница Мишакова — Алина мать — корнила Алика бутербродами с колбасой и тихонько плакала от стыда.

...А в зале судья спрашивал:

— Ответчица, вы имеете отводы?

— Имею, — запальчиво сказала Аля. — У меня отвод его адвокату. Я без адвоката, и пускай он без адвоката!

— Ответчица, — терпеливо объяснил судья. — Закон не пре-

дусматривает права отвода адвоката противной стороны... Вы тоже имеете возможность пригласить адвоката...

— Зачем это? Обойдусь и так... Я мать, и никто не может отнять у меня ребенка! — Аля с вызовом поглядела на молодого, но уже лысого ненароковского адвоката.

Судья пропустил это мимо ушей и спросил как полагается:

— Какие ходатайства к суду есть у сторон?

— Прошу оставить мне ребенка! — опять выскочила Аля. — Мой бывший муж не может его воспитать. Он...

— Вам еще будет предоставлена возможность высказать свои возражения по существу иска, — прервал ее судья. Ответчица ему определенно не нравилась. — А сейчас я спрашиваю: имеются ли у вас какие-нибудь ходатайства процессуального характера...

...В коридоре Алик с грохотом катал по полу красную пожарную машину. А бабка, сидя на деревянном диванчике, рассказывала что-то вполголоса пожилой соседке, и та горестно кивала головой.

...Заседание продолжалось. Аля говорила спокойно и печально:

— Я понимаю, что без отца ребенку плохо. Но без матери, мне кажется, еще хуже... Я даже не знаю, на что Валентин Георгиевич надеется. Он летчик, работает в разное время, часто задерживается: ну, когда посевная или какие-нибудь случаи... Как же он будет заниматься ребенком?.. Всегда на работе.

— А вы разве не работаете? — деланно удивился адвокат.

— Работаю. — Аля снисходительно улыбнулась. — Но у меня мама на пенсии. И еще полная сил.

— Скажите, а вам известно, что у Валентина Георгиевича тоже есть мать-пенсионерка и незамужняя сестра? — продолжал допытываться адвокат. — Живут в собственном доме в Краснодарском крае, куда ваш бывший муж легко может перевестись.

— Это же совершенно чужие люди Алику! — начала горячиться Аля. — А моя мама его с пеленок вырастила!

— Мама вырастила? — тут же прицепился адвокат. — А вы что же, не принимали в этом участия?

— Вы не меня разбирайте, вы его разберите, что он за человек! — Алю уже трясло от возмущения. Впрочем, адвокат этого и добивался.

— Хороший человек. В характеристике так и сказано: пользуется уважением коллектива, морально устойчив, заботливый отец...

И тут Аля сорвалась.

— Вот это уже для меня новость. Пожалуйста, я могу рассказать, какой он был отец! И про «морально устойчив» тоже расскажу... Дома не ночевал по два, по три дня!.. А отец так и вовсе никакой... Не давал сыну настоящего воспитания и не мог, конечно... Я педагог начальных классов, а он кто? Он сына только ругал. Даже бил, такую крошку!.. Алик от этого заикаться стал...

Ненароков слушал и, странное дело, видел не эту враждебную лживую женщину, а ту невиданную красавицу, в которую влюбился пять лет назад и которая стала его женой. Он вспоминал с мучительной отчетливостью: вот они с Алей в подъезде, еще до женитьбы. Он расстегнул ей воротник блузки и целует, целует худенькие ключицы. Заскрипела чья-то дверь, и влюбленные в веселой панике выскочили на улицу... А вот Аля в постели. Она уже заснула, а он ходит с полуодетым Аликом на руках, качает его и смотрит на нее, не может налюбоваться... А вот они с Алей купаются в Черном море, под скалами. Ночь, кругом никого, и Аля без купальника...

— Просто даже удивительно, как такого человека держат в нашей авиации, — говорила судье Аля. — Он часто уходил в полет пьяный, мог погубить и машину и людей... Как ему доверить ребенка? И вообще, у Ненарока были такие высказывания, что просто стыдно слушать. Он, например, серебряные крылья на своем кителе называл «курицей». День, когда давали зарплату, называл «днем авиации»...

В этом месте судья сердито перебил Алю:

— Ну, это суду неинтересно. Вы покороче...

Адвокат написал Валентину записку: «Он за вас. Перестаралась Алевтина Федоровна».

...Дошла очередь и до Алиной матери. Стараясь не глядеть на Валентина, Евдокия Петровна говорила:

— Алевтина все правильно рассказывала. Как она говорила, так оно и есть.

— А откуда вы знаете, что именно она рассказывала? — жестко спросил судья.

— Ну... Она же неправды не скажет... А как было, я знаю: все на моих глазах вертелось... Нельзя ребенка от матери забирать.

— У меня вопрос к свидетельнице, — сказал адвокат. — Евдокия Петровна, вы говорите — на ваших глазах... На ваших глазах ребенка били?

— Били?! Что вы, как можно!.. Ну, иногда, конечно, Алечка щелкнет по затылку, но это же так, любя, от нервов только...

— Понятно, понятно. Еще вопрос: вы своего бывшего зятя часто видели пьяным?

— А ни разу не видела, — растерянно сказала Евдокия Петровна. Адвокат преувеличенно удивился:

— Как же так? Пил, пил и не напивался?

— Да не пил он. Если выпьет грамм сто на праздник, так это и не питье...

Аля глядела на мать злыми, прямо прожигающими глазами. И Евдокия Петровна смешалась, закончила скороговоркой:

— А вообще-то я, может, чего и путаю... Вы у Алечки спросите, она лучше помнит.

— У меня все, — сказал адвокат и чуть заметно улыбнулся Валентину.

...Алик спал на диванчике в коридоре, положив голову на колени старушке соседке. Кругом ходили невеселые озабоченные люди — веселых в суде не увидишь.

... Судья стояя объявил:

— Оглашается решение... Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики народный суд в составе председательствующего Демидова, народных заседателей Ларионовой и Крячко, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по иску Ненарокова к Ненароковой об отобрании ребенка Алексея четырех лет, установил: ответчица, проживающая вместе со своей матерью, бабушкой ребенка, материально обеспечена и не стеснена жилой площадью. Оснований для отбрания у нее ребенка нет... Руководствуясь статьей двести третьей ГПК РСФСР и на основании статьи пятьдесят пятой КОБС РСФСР, суд решил: в иске Ненарокову Валентину Георгиевичу отказать...

В опустевшей комнате адвокат утешал Ненарокова:

— А я вас предупреждал... Закон-то предусматривает равные права обоих родителей. Но на практике... Вы летчик, вы же действительно не можете сидеть с ним весь день... А допустим, жениетесь. Какая гарантия, что новая жена будет к нему хорошо относиться?.. А там мать, бабушка. Конечно, мать стерва, но все-таки... Вот то, что она вам вам свиданий с сыном не хочет давать, — это, разумеется...

Он замолчал, заметив вдруг, что Ненароков его не слушает: сидит с совершенно серым больным лицом, бессмысленно складывая и снова разворачивая судебную повестку.

Аля нарочно ждала, пока Валентин выйдет из здания суда. Ей хотелось, чтоб он видел, как она увезет Алика. Дождавшись своего бывшего мужа, Аля с сыном на руках медленно пошла к автобусу. Мальчик, одетый в самое нарядное, не понимал, конечно, что происходит.

— Па! Па! — кричал он и махал отцу рукой.

Ненароков не обернулся. Наоборот, ускорил шаги, почти побежал, чтобы не броситься к сыну, не сделать какую-нибудь непоправимую глупость...

Спасите женщин и детей

Игорь Скворцов сидел у себя в комнате и, оттопырив губы, паял какую-то схему маленьким паяльником. Раздался звонок, Игорь побежал открывать.

Но за дверью стояла не Тамара, а хрупкая и очень хорошеная женщина с легким чемоданом. Лицо у Игоря вытянулось.

— Ты откуда взялась? — сказал он вместо «здравствуй».

— Из Ленинграда, естественно. Но ты мне, кажется, не рад?

— Почему не рад? Рад.

— Ну так не скрывай свою радость, возьми у меня чемодан.

...Приезжая, скинув сапоги и забравшись с ногами в кресло, рассказывала:

— Я без звонка, потому что проездом. Три часа до поезда... Но не зайти я просто не могла... Тебе-то, конечно, все равно, за три года одна открытка, а я не так устроена. Я решила: хотя бы между вокзалами, но я его увижу...

— А ты не опоздаешь? — заботливо спросил Игорь.

— Я же тебе сказала: до поезда три часа... Обожди. Что вообще происходит? К тебе должны прийти?

— Да... То есть нет, но может быть... Понимаешь, Нонка, кое-что действительно происходит.

— У тебя завелась возлюбленная? — спросила Нонна дрогнувшим голосом. Игорь хрустнул костяшками пальцев.

— Заводятся тараканы, а возлюбленная... Но в общем да.

Тогда Нонна тихо заплакала.

— Не обращай внимания. Я сейчас умоюсь и пойду...

Игорю стало ее жалко. Он сел рядом, обнял ее за плечи, поцеловал.

— Ну брось. Ну хватит... Не надо... Кофе выпьешь?

— Скажи, ты правда хочешь, чтоб я осталась?

— Правда, правда. Но только, Нонна, я честно говорю: это будет наше прощание... — Он пошел на кухню. — Если будут звонить, не бери трубку...

...Дверной звонок звонил настойчиво и угрожающе.

Игорь на цыпочках подкрался к дверному глазку, глянул. Конечно, перед его дверью стояла Тамара. Игорь затаился в малень-

кой прихожей, боялся даже вздохнуть... И вдруг из комнаты грянула громчайшая музыка. Игорь подпрыгнул на месте, как заяц от выстрела... Делать было нечего, пришлось открыть дверь.

— Ты спал? — спросила, улыбаясь, Тамара.

— Нет.

— Что-нибудь случилось?

— Да.

Когда они вошли в комнату, Тамара сразу поняла, что именно случилось: на тахте сидела Нонна с распущенными волосами и притопывала ногой в такт музыке.

— Зачем вы надели мои тапочки? — спросила Тамара у Нонны ледяным голосом.

— Пожалуйста, возьмите, — отвечала Нонна. — Они мне на три номера велики... Игорь, я пойду. Мне здесь больше делать нечего.

— Ну правильно, — хмуро отозвался Игорь. — Все, что могла, ты уже сделала.

Пока соперница торопливо запихивала в сумку свое имущество — пудреницу, расческу, зажигалку, — Тамара стояла, не трогаясь с места. Но как только за Нонной захлопнулась дверь, Тамара тоже пошла из комнаты. Игорь загородил ей дорогу.

— Ты куда?

— Куда? А тебе непонятно?

И тут девушка не выдержала. Она размахнулась, чтобы влепить Игорю пощечину, но он легко перехватил ее руку.

— Постой, я объясню...

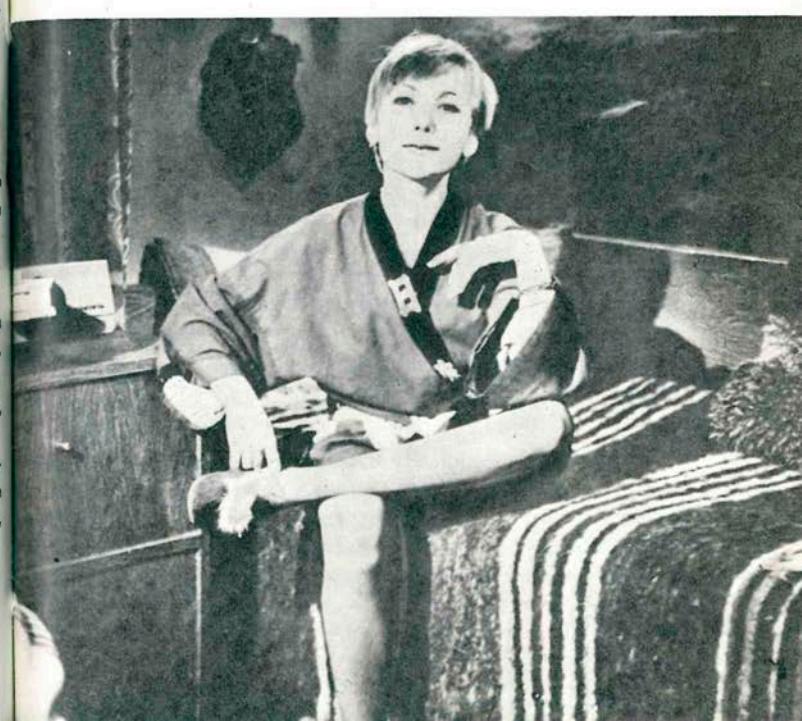
— Сволович! Сволович! Какая ты сволович... Пусти немедленно!

— Но мы же договорились! — жалобно закричал он.— Никаких обязательств, полная независимость. Ты ж сама говорила: я все понимаю, я тоже так думаю, я современная женщина!

— Дурак! Идиот! Я тогда все, что угодно, сказала бы... Я говорила то, что ты хотел слышать! Мне так хотелось тебе понравиться... Эх ты, у тебя столько женщин было, и все равно ты ничего не понял. Что бы мы ни говорили, внутри все мы одноковые: все хотим замуж, хотим детей, хотим, чтобы рядом был один, только один — и был навсегда!.. Да на что мне независимость, на что мне современность? Я-то ведь тебе изменять не собиралась!

— Пришла случайно старая знакомая, за пластинкой, — вставил наконец свое слово Игорь. — А ты подняла скандал, как истеричка, как базарная баба!

— А я и есть истеричка. Потому что я тебя люблю. Это тебе легко быть спокойным — тебе ведь все равно, есть я, нет меня... Ну ладно, я даже рада. Лучше вовремя оторвать, пока не приросла к кожей, мясом...

— А уж как я рад, ты себе и представить не можешь, — сказала Игорь сдавленным голосом.

Не глядя на него, Тамара вышла из комнаты. А Игорь лег на диван и нарочно громко запустил музыку.

Ненароков сидел в гостях у своей бывшей жены. То есть Алла в комнате, собственно, не было — Валентин разговаривал со своей бывшей тещей.

— Усть-Каменогорск? — удивилась Евдокия Петровна. — Это где же такое?

— Северный Казахстан... Работа как работа. Почти как здесь. Вот отгулы накопились, я и приехал. Так захотелось посмотреть на него — сказать не могу.

— А он ведь в садике. Только к шести вернется, — виновато сказала Евдокия Петровна. Валентин огорчился:

— Зачем же вы его в садик?

Вздохнув, теща позвала:

— Алечка! Может, выйдешь все-таки?

— У меня голова болит, — ответил злой голос из другой комнаты. Валентин встал, прошелся из угла в угол.

— Евдокия Петровна, как же вы-то не повлияли? Нельзя ему в садике... Он заикается, ему там очень плохо будет.

Тут из-за двери появилась Аля.

— Хуже, чем с тобой, ему нигде не будет, — сказала она едко. — И нет у меня возможности его дома держать. Ты нас бросил, а мама болеет.

Ненароков подумал вдруг, что время вернулось назад: вот он сидит в своей комнате, рядом жена, он с ней ругается — все по старому. Но комната была уже другая: не его, а какая-то женская и Аля давно перестала быть его женой, и ругалась она с ним теперь иначе: холодно и надменно, как с чужим.

— Ладно. Раз уж приехал, то увидишь Алика. Но только ни полчаса и в нашем с мамой присутствии...

У Ненарокова даже губы затряслись от обиды.

— Но почему полчаса? Почему при вас? Я ведь не в колонии приехал к преступнику малолетнему?

— А чтоб ты его против нас не настраивал!

Валентин видел через забор, как гуляют во дворе дети. Кто колсал снег лопаткой, кто лепил из снежных комьев бабу. Был тут и Алик. Он стоял в сторонке от всех, тепло укутанный, замотанный еще сверху Алиным шарфом, с надвинутой на глаза шапкой и оттопыренными, как у пингвина, руками в рукавичках. Сердце Ненарокова скжалось от любви и жалости.

...Когда дети построились парадом и вышли на улицу, Алик плелся сзади всех. Детишки смеялись, кричали, только Алик молчал и ни с кем не вступал в разговор. Валентин шел поодаль и смотрел на сына. Вдруг Алик остановился: шапка, которая была ему велика, совсем сползла на нос, так что он ничего уже не видел. А пестрая веселая вереница детсадовцев с воспитательницей во главе двигалась дальше. Никто не заметил этого маленького ЧП.

Тогда Валентин подошел, поправил Алику шапку. Тот не удивился, а только обрадовался, узнав отца. И вдруг Ненароков, сам не понимая почему, поднял сына на руки и зашагал с ним назад, потом за угол, потом в какие-то ворота. И остановился там.

Очень скоро на улице послышался шум, голоса: «Ненароков! Ты куда девался? Ненароков! А ну выходи сейчас же!» — слышался крик воспитательницы. Валентин вздрогнул и даже шагнул непроизвольно вперед, но потом сообразил, что это кричат не ему, а Алику.

Валентин прижал палец к губам, показывая, что откликаться не надо, и Алик понял, кивнул головой.

До областного города они добрались на рейсовом автобусе.

Алик устал. Он хныкал, капризничал, просился к матери:

— Ма... Ма... Де ма?

А Ненароков на каждой остановке с тревогой глядел на дверь, не догнала ли их погоня, не войдет ли сейчас в автобус Аля.

В аэропорту, в зале ожидания, Алик спал на скамейке, а Валентин ел у буфетной стойки пирожок.

И вдруг он увидел Алю. Она шла к нему от дверей, раскрасневшаяся от волнения, решительная, а за ней шагал милиционер.

— Куда дел ребенка? — закричала Аля еще издали.

— Ну что ты кричишь? Вон он, спит, — устало ответил Валентин. Он с самого начала понимал, что ничем хорошим его беспомысленная затея кончиться не может.

— Здравствуйте, Валентин Георгиевич, — неловко сказал милиционер. Но Алю такое мирное начало разговора не устраивало.

— Слышали, товарищ лейтенант?.. Я прошу его привлечь!

— Зачем же привлекать. — Милиционер давно знал Валентина и симпатизировал ему. — Дело семейное, я думаю, сами договоритесь... Верно, Валентин Георгиевич?

И он отошел. Аля подумала, поглядела на спящего Алика, сказала совсем другим, нормальным тоном:

— Спит, как зайчик. Даже будить жалко...

— Ты голодная? — спросил Валентин.

— Не знаю... Вообще-то съела бы чего-нибудь.

...Они стояли у высокого круглого столика, ели пирожки, пили какао.

— Милиционер-то зачем? Зачем комедию разыграла? — спросил вдруг Валентин. — Нарочно? Чтобы побольнее?.. Вообще, почему ты меня все время мучила? Что я тебе сделал?!

Аля долго молчала, прежде чем ответить.

— А ты до сих пор не понял? — сказала она почти грустно. — Я тебя не люблю. И никогда не любила.

Ненароков не поверил ее словам.

— Уж и никогда?.. А зачем замуж выходила? Я ж тебя силком не тянула?

— Именно что тянула... Приехал, все бросил — работу бросил из-за меня, Москву... Как я могла отказаться? Я все-таки не бессердечная... А надо было не идти.

Ненароков продолжал цепляться за то, чего не было:

— Это, ты назло говоришь... Как же так?.. Ведь ночи напролет ходили, целовались, наговориться не могли.

— Ну что такое — целовались?.. Молодая девчонка. А ты москвич, летчик. И я же видела, влюблен до смерти... Нет, я тебе точно говорю: пожалела тебя и пошла.

За стеклянной, помутневшей от изморози стеной аэровокзала

передвигались самолеты — медленно и тихо, словно круглобокие рыбы в аквариуме.

— Несчастный ты человек, Аля, — сказал Валентин. — Один раз в жизни поступила красиво, благородно — и не могла мне этого простить. Пять лет вымешала... А думаешь, я не жалел о своей работе? Еще как жалел, только тебе не показал ни разу. Большие самолеты — это не работа, это жизнь моя!.. Я ведь в другом небе летал, совсем в другом! Я и теперь как вижу ночью проблесковые огни, услышу: лайнер идет, — у меня кляп в горле. Ведь я классный пилот. Я бы сейчас «Ил-62-й» водил.

— Ну конечно! — сказала она прежним злым голосом и дернула плечами. — Ты всегда хороший, я всегда плохая. Ты не покркнул, а я вымешала... А то, что ты меня с ребенком бросил, — это тоже хорошо? Кому я теперь нужна?

Она повернулась и пошла к скамейке.

— Алик, деточка! Проснись! Мамочка за тобой приехала!

Снова Игорь сидел в своей красной машине неподалеку от диспетчерской, снова глядел в зеркальце заднего обзора, повернув его так, чтобы видеть выходящих оттуда. Шел редкий крупный снег, пухом ложился на землю.

Из диспетчерской вышла Тамара — не одна, с двумя подружками. Смеясь, она что-то им рассказывала, надувала щеки и округляла глаза, изображая кого-то.

Игорь коротко гуднул. Тамара обернулась, скользнула равнодушным взглядом по красным «Жигулям», по Игорю и пошла дальше. А Игорь остался сидеть за баранкой. Лицо у него было злое и растерянное.

Игорь сидел у себя в комнате, листал какой-то толстенный справочник. Зазвонил телефон. Игорь коршуном бросился трубке, послушал, потом сказал равнодушно:

— А, это ты... Нет, Галка, ничего не получится. Уезжаю в командировку... Да, надолго. На всю жизнь.

Стучал по асфальту прозрачный весенний дождь. Из диспетчерской выбежали стайкой бортпроводницы, и среди них Тамара. Чтобы не испортить прическу, девушки напялили на волосы пестрые пластиковые пакеты и неслись в них, будто в карнавальные папахах, к рейсовому автобусу.

Дорогу Тамаре преградил Игорь. Над головой он держал раскрытый черный зонтик.

— Не беги, — сказал он Тамаре. — Пойдем под крышу, поговорим.

— А о чём нам говорить?.. Пусти, меня ждут.

— Хорошо, можно здесь. Нет проблемы. — Он передвинул зонтик так, чтобы прикрыть от дождя Тамару. Его синий плащ сразу намок, стал черным. — Хватит тебе дурить... Мне без тебя плохо. Тебе без меня еще хуже.

— Мне? Мне очень хорошо. Очень!.. Поэтому ты и бегаешь за мной. А если бы я плакала, звонила тебе по ночам, ты бы и не посмотрел в мою сторону.

— А я уверен, ты плачешь! И звонить тебе хочется... Но ты же актриса, ты играешь — нарочно, чтобы я помучился.

— С чего это ты взял?

— А... Жизненный опыт.

Не ответив, Тамара побежала к автобусу. Но Игорь догнал ее. Он бежал рядом, держа над ней зонтик, и торопливо говорил:

— Ну обожди... Ну погоди. Ну ладно. Раз ты такая идиотка, пожалуйста, делаю тебе предложение. Давай поженимся!

— И я тебе делаю предложение, — презрительно ответила Тамара. — Отстань и никогда ко мне не подходи.

Вертолет Ненаракова, груженный бумажными мешками с центром, шел над полями, оставляя с севера далекий синий лес.

— «Ми-2»! — раздался в наушниках Ненаракова далекий го-

лос девушки-диспетчера. — Переходите на частоту «Ясеня», работайте с ним.

— «Нива», я — двадцать четыреста восемь. Вас понял, — ответил Валентин. — А в чём дело? Они не сказали?

— В нашу зону вошел спускаемый аппарат. Ты передаешься группе поиска...

Ненараков поглядел на своего второго. Тот кивнул — слышал.

...«Ми-2» летел над излучиной реки. Вдруг Ненараков встрепенулся и показал второму пилоту рукой.

— Гляди, они!

На границе песчаной отмели и зеленого луга лежало, вздрагивая под ветром, огромное полотнище. А рядом был обгорелый малиновый шар.

Валентин заорал в микрофон:

— «Ясень»! Вижу космонавтов! Снижаюсь!.. Будьте на связи! Не успел вертолет приземлиться, как воздух наполнился гулом моторов. С юго-запада, из-за невысоких гор, показалась шеренга зеленых вертолетов. А выше их и, конечно, на большей скорости шли три самолета. Они уже заложили вираж: курс им был известен.

Только по чистой случайности Ненараков опередил группу поиска на какую-то минуту... Винт еще вращался, а Валентин уже бежал к малиновому шару: Там, на обрезе люка, сидел космонавт, устало улыбался и махал Ненаракову шерстяной шапочкой.

Вертолеты поиска сели на песчаную отмель, а самолеты развернулись, покачали приветственно крыльями и ушли, убедившись, что человек, временно отлучившийся со своей планеты, благополучно вернулся домой.

Космонавт неловко спустился на землю и осторожно, как выздравляющий, как моряк после долгой качки, пошел навстречу Ненаракову. А подбежавшие корреспонденты (они прилетели на одном из военных вертолетов) мигали вспышками, трекотали кинокамерами, снимая эту встречу. Тем временем из люка показался второй космонавт — и сразу попал в объятия встречающих.

Внучке Андрея Васильевича было уже пять месяцев. Мать и бабка нянчились с девочкой, а Тимченко разговаривал с пришедшим в гости бывшим вторым пилотом. Вдвоем они сидели на террасе дачи и ели раннюю клубнику.

— Я же тебе говорил, хотя и на земле, а как был летчик, так и остался, — не очень искренне убеждал гостя Андрей Васильевич. — Только что крылья. Были тут, а стали — тут. (У тех, кто летает, крылатая эмблема на груди, а у наземных — на руках.)

— Андрей Васильевич, крылья были за плечами,— улыбнулся, бывший второй. И Тимченко не стал спорить. Чтобы переменить разговор, он взял со стола газету.

— Миша, видел?

На первой странице внизу была фотография: космонавт обнимает Ненарокова.

— Я Вальку сразу узнал,— оживился второй.— Отличный был пилот. Такую глупость сделал, что ушел.

— Зато любовь,— язвительно сказал Тимченко.

Миша покачал головой.

— Если бы. В семейной жизни у него полная катастрофа. Поганая оказалась бабенка. Развелись, так она ему с сыном не дает видеться... Строчит всякие кляузы, аж министру...

— А я и понятия не имел,— огорчился Андрей Васильевич.— Ты-то откуда знаешь?

— От Скворцова, Валька ему пишет.— Он встал, взял фуражку.— Анна Максимовна, спасибо за угощение...

Тимченко проводил его до калитки и с интересом отметил, что Миша, проходя мимо мальчишек, игравших на улице в футбол, очень лихо поддал ногой подкатившийся к нему мяч. Вернувшись к жене в комнату, Андрей Васильевич похвалил его:

— Молодец, не унывает. Я бы так не смог... Мне воздух нужен как... как воздух. Когда меня забракуют, я, наверное...

— Прекрати,— перебила Анна Максимовна.— Ты в отличной форме. Только надо есть побольше редиски, салата, пользоваться весенними витаминами.

Андрей Васильевич подошел к радиоприемнику, включил, но сразу выключил.

— Андрюша, перестань расстраиваться,— попросила жена.

— Да нет... Я совсем про другое думаю. Ты Ненарокова помнишь?.. Может, теперь, когда он на виду, есть шанс перетащить его обратно в Москву? К нам?

— С пропиской будет трудно,— сказала практичная Наташа.

Но отец уже загорелся этой идеей:

— А я попробую. Попытка не пытка... Позвоню Иван Семеновичу по старой дружбе.

Тимченко сидел в кабинете у Ивана Семеновича и хмуро позывкал связкой ключей. Начальник тоже был недоволен:

— Андрей Васильевич, зря ты приехал. По-моему, мы по телефону обо всем договорились.

— Не договорились,— упрямо сказал Тимченко.— Мы с тобой двадцать лет знакомы. Я за себя когда-нибудь просил?

— За себя не просил, так за других все время просишь.

Какая мне разница?.. Твой Ненароков сам ушел, никто его не гнал. А теперь назад... Несерьезно как-то!..

— Но пойми, это летчик!— продолжал напирать Тимченко.— Летчик с большой буквы!

— У нас все летчики с большой буквы. С большой буквы «А», с большой буквы «Б» — и до конца алфавита.— Иван Семенович показал на ящики с картотекой.— И все ждут очереди.

Он раскрыл личное дело Ненарокова и на всякий случай перелистал его еще раз.

— Благодарность... Благодарность. Еще благодарность... Ну правильно, хороший летчик. Я ж не говорю, что плохой. А по-твоему, в народном хозяйстве должны плохие работать?

Тимченко протянул Ивану Семеновичу газету с фотографией: Ненароков обнимается с космонавтом.

— Смотри: инициативный, внимательный. Вот, космонавта первым увидел — раньше поисковой группы.

Начальник вздохнул и положил газету в личное дело.

— Ладно, я доложу. Но не ручаюсь.

— Ты не просто доложи,— неловко попросил Тимченко.— Ты уж освети поподробнее...

В другом кабинете Иван Семенович разговаривал с другим начальником, повыше.

— Так он же сам ушел из отряда,— говорил начальник.

— Были обстоятельства.

— А чем он лучше других?

— Тимченко очень просит.

— А-а... То-то он на прием записался.— Он обратил внимание на газету.— А это что?

— Это Ненароков первым космонавта заметил. Внимательный.

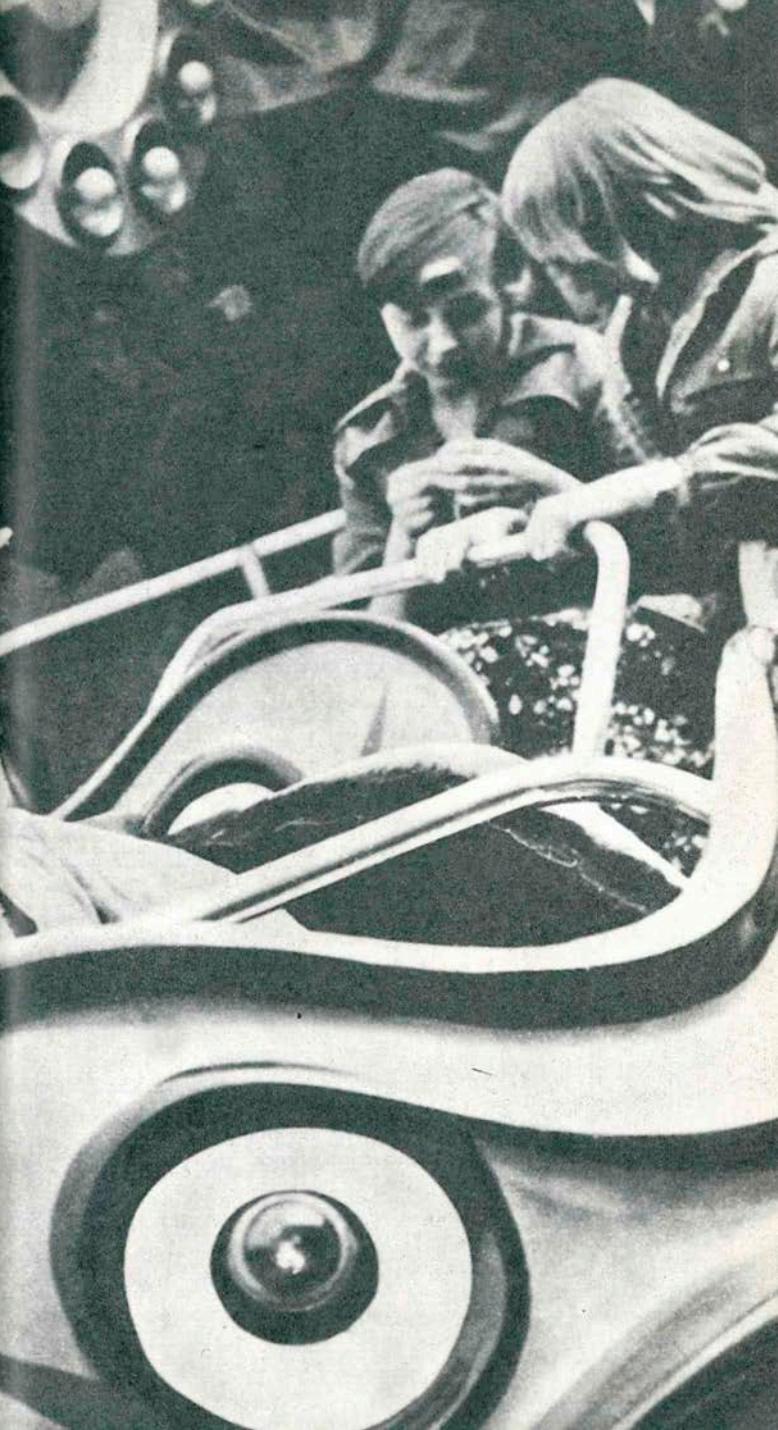
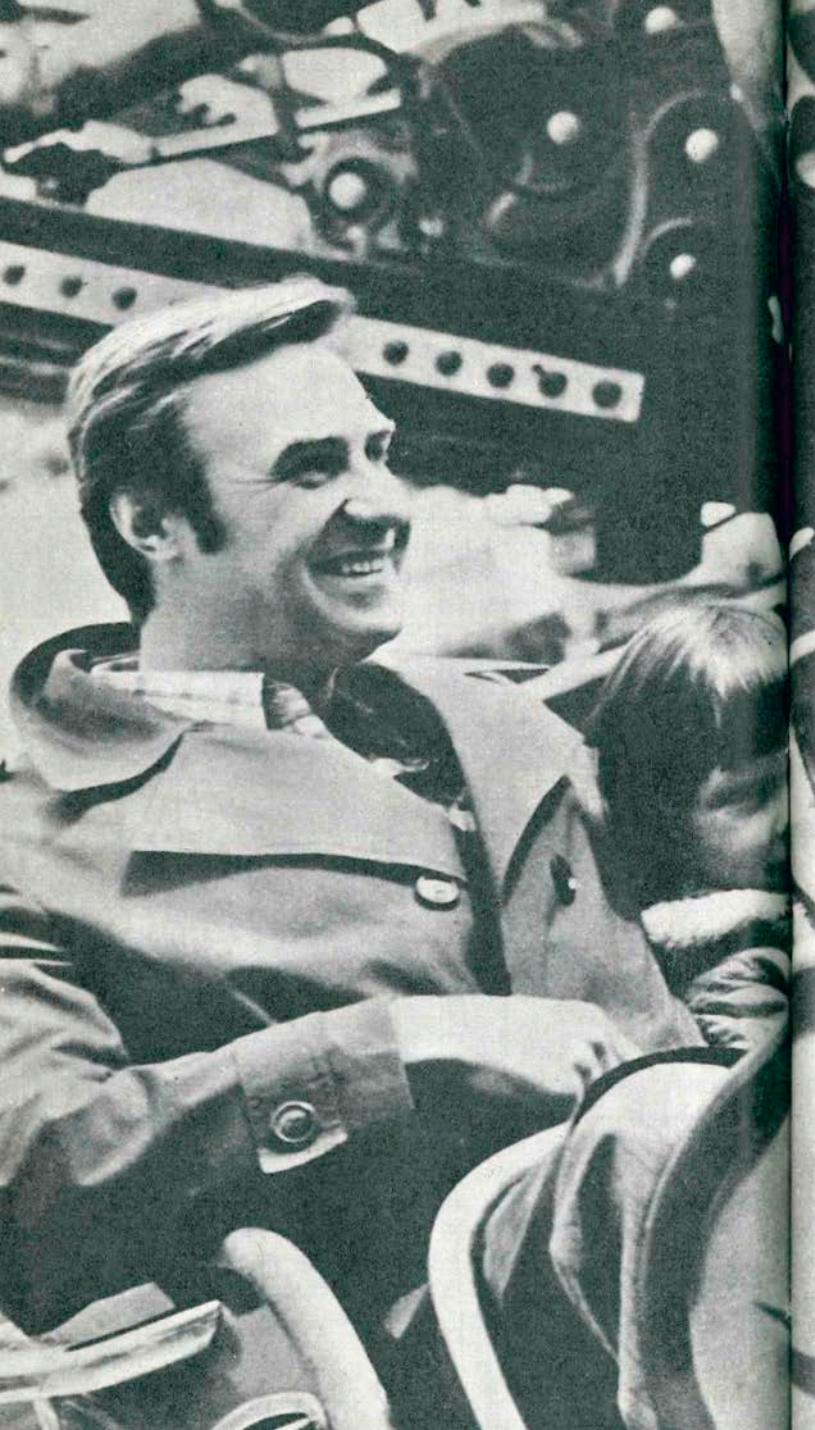
— Ну да. Без него пропал бы космонавт,— хмыкнул начальник.— Ладно, переведем.— И сказал в селектор:— Пригласите Тимченко.

Подняв воротник плаща — был уже октябрь,— Ненароковшел по незнакомому городу. Рыжие кленовые листья ползли по тротуару, подгоняемые ветром. Сверяясь с адресом на конверте, Валентин нашел нужный ему дом, поднялся на третий этаж.

Дверь ему открыла Аля, чуть располневшая и еще красивее, чем была. Она кивнула бывшему мужу почти дружелюбно:

— Приехал? Ну проходи. Алик сейчас придет. Он у соседей.

Квартира была хорошая, трехкомнатная. В столовой сидел с газетой грузный широкоплечий летчик.

— Познакомься, мой муж,— с гордостью сказала Аля. Летчик встал, улыбнулся и так тряхнул руку Ненарокова, что чуть не вывихнул.

— Анатолий! — назвался он.— Раздевайся и садись. Сейчас нам Алена чего-нибудь сочинит!.. Да садись ты, будь как дома! Аля безропотно пошла на кухню, а новый муж стал ее нахваливать:

— Хозяйка исключительная!.. И умная ведь, и характер золотой!

— Да, действительно,— сказал Ненароков, чтобы не обижать Анатолия. А тот засмеялся счастливым смехом и хлопнул Валентина по плечу.

— Я тебе просто удивляюсь: как ты упустил такую женщину? Лопух ты, лопух!.. И пацан тоже очень хороший. Меня папой зовет. Знаешь, он уже меньше заикается — к логопеду ходит.

Вошли Аля, стала накрывать на стол.

— Спасибо, я кушать не буду,— решительно сказал Валентин.— Только поел.

Анатолий очень огорчился:

— Где это ты ел? Зачем?.. Садись!

— Нет. Честно не хочу.

— Эх ты!.. Но рюмочку-то за знакомство можно?

— Рюмочку можно.

Аля поставила на стол графинчик, мимоходом погладила здоровенную руку мужа, и они выпили.

...Прибежал Алик, приласкался к матери и робко улыбнулся Ненарокову.

— Валентин, тебе ж с ним интересно, не с нами,— сказал добродушно Толя.— Давай мы с мамочкой в кино пойдем, а вы оставайтесь...

— Мы бы лучше погуляли, чем дома... Алик, до? Гу?

— П-пойдем гу-гулять.— Алик заикался теперь совсем немножко, и Ненарокову стало стыдно за неуместный уже их старый язык.

...Они шли по улице. Алик прилипал носом к витринам, читал, запинаясь, вывески:

— Ка-фе... Пи-во... Буб-бу-личная...

Потом попросил:

— Дядя, пойдем на пруд. Там лебедь живет.

— Какой я тебе дядя?— возмутился Ненароков.— Ты что, забыл меня совсем?

— Н-не забыл... У меня теперь папа Толя. А два папы у ребенка не бывает. П-правда?.. Ты не папа, ты дядя.

— Это тебе мама объяснила?— грустно спросил Валентин.

— Ага.

...Они кормили грязного лебедя печеньем... Сами поели на улице мороженое. И пошли домой.

...Аля ждала на улице у подъезда.

— Нагулялись? Вот и хорошо... Валентин, ты бы хоть о себе рассказал. Как живешь-то?

Валентин неохотно сообщил свои новости:

— Ну как... Прошел в Москве медкомиссию, переподготовку прошел. Буду летать на «Ту-154».

— Значит, ты в порядке,— задумчиво сказала Аля.— А как личная жизнь? Нашел кого-нибудь?

Ненароков отрицательно покачал головой. Тогда Аля, понизив голос, спросила:

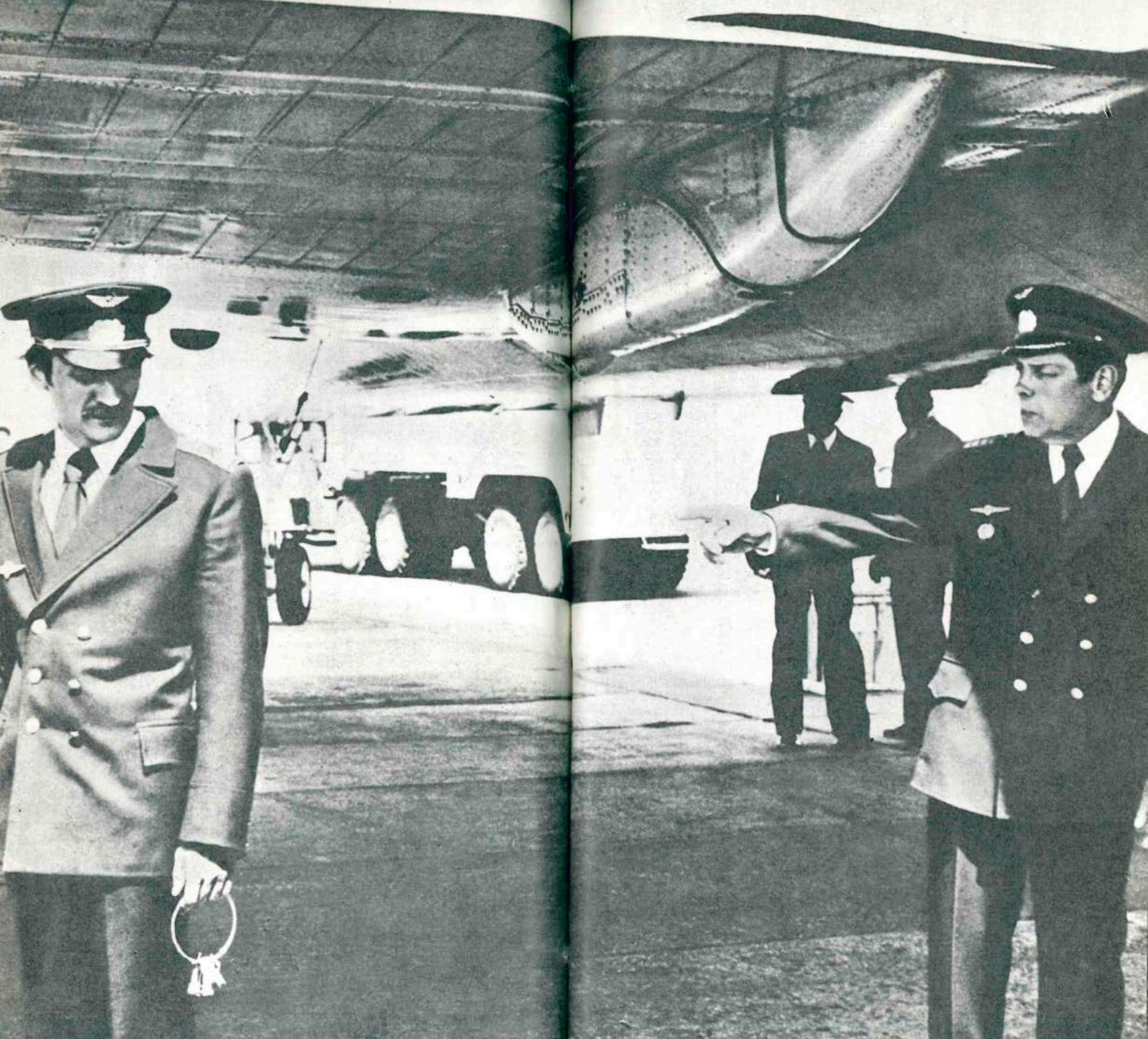
— Слушай... А если бы взять и все начать сначала? Чтобы все как раньше — ты, я и Алик... Ты бы согласился?

У Ненарокова вся кровь прилила к лицу — и сразу отхлынула. С трудом разомкнув одеревеневшие губы, он ответил:

— Я бы согласился.

— А я бы не согласилась!— весело и громко сказала Аля.— Ни за что! Я теперь только и поняла, что значит жить. Засыпаю счастливая и просыпаюсь счастливая... Это я просто проверяла: ты такой же остался или нет.

Валентин помолчал, потом сказал, через силу усмехнувшись:

— Да... Я остался такой же... И ты такая же осталась, как была.

— Алик,— позвала Аля,— пойдем домой, папа ждет.

Алик, который все это время играл сам с собой в «классы» — детям неинтересны разговоры взрослых,— послушно пошел за ней. Уже из подъезда он обернулся к Ненарокову.

— До свиданья!.. Дядя, я т-тебя люблю!..

Андрея Васильевича вызвал к себе командир отряда.

— Тебе придется полететь в Бидри,— говорил он.— Без пассажиров. Повезешь продовольствие и медикаменты... Пострадавшим от землетрясения. Красный Крест посыпает... Ты туда летал?

— Летал когда-то. Аэропорт маленький, но полоса вполне приличная.

— Была приличная,— поправил командир отряда.— До землетрясения... Они ремонтируют сейчас, но все равно, посадка может оказаться сложной.

— Знаю, читал подшивку. У них РД вышла из строя.

— Возьмешь оттуда пассажиров,— продолжал командир отряда.— В основном женщин и детей. Учи, там есть с травмами...

Когда Тимченко пошел в двери, командир вспомнил еще одну вещь:

— Да! Я вчера из Киланги прилетел. Там опять переворот. Правых прогнали, прежний президент вернулся.

— А наш приятель?— поинтересовался Тимченко.— Помнишь, я рассказывал, министр авиации?

— Расстреляли. Успели, сволочи... А теперь его портреты всюду висят. В аэропорту тоже.

В этот рейс с Тимченко летел вторым пилотом Валентин Ненароков. Собранный, серьезный, вместе с бортпроводницей он следил за погрузкой: ящики были разнокалиберные и неудобные.

А в бригаде бортпроводниц оказалась на этот раз Тамара. По ее поводу у Андрея Васильевича еще на перроне произошел крайне неприятный разговор с бортинженером Скворцовым.

— У тебя были отношения с Тамарой?— хмуро спросил он Игоря. Тот сразу напрягся, набычился:

— Андрей Васильевич, а это вас касается?

— Касается. Если человек плачет, если ему жизнь поломали, это всех касается...

— Ну точно, я так и думал,— пробормотал Игорь. Тимченко разозлился еще больше:

— А меня особенно касается. Потому что она внучка летчика, старого моего товарища... Я долго терпел твои номера, а боль-

ше — хватит! Имей в виду, ты со мной летишь в последний раз... Прямо тебе говорю, чтобы потом не удивлялся.

— Андрей Васильевич! Это непедагогично — портить настроение перед полетом. Напугали до смерти... Вдруг я теперь ошибку допущу?

Так с командиром не разговаривают. Но Игорю было необходимо выплеснуть свое раздражение. Тимченко внимательно посмотрел на бортинженера.

— Таким, как ты, настроение не испортишь. Такие, как ты, другим портят настроение. И разговаривай повежливее. Смотри, из отряда вылетишь!

...Когда Скворцов проверял перед полетом салоны, он столкнулся в проходе с Тамарой. Не глядя на него, она хотела пройти мимо, но он загородил путь.

— Нажаловалась дяденьке?.. Ну радуйся. Обещает из отряда погнать...

«Ту-154» шел на юго-восток. Ненароков в своем кресле справа от командира просматривал сборник с данными аэропортов по трассе.

Тимченко сухо попросил Скворцова:

— Прибавь температуру в кабине.

Перед креслом бортинженера находится его пульт. Игорь молча нажал нужные кнопки.

Тогда Андрей Васильевич отъехал в своем кресле назад (все кресла в кабине на рельсиках), вытянул ноги и задал своему второму пилоту неуставной и не требующий ответа вопрос:

— Что, Валентин, летим?

Валентин широко улыбнулся:

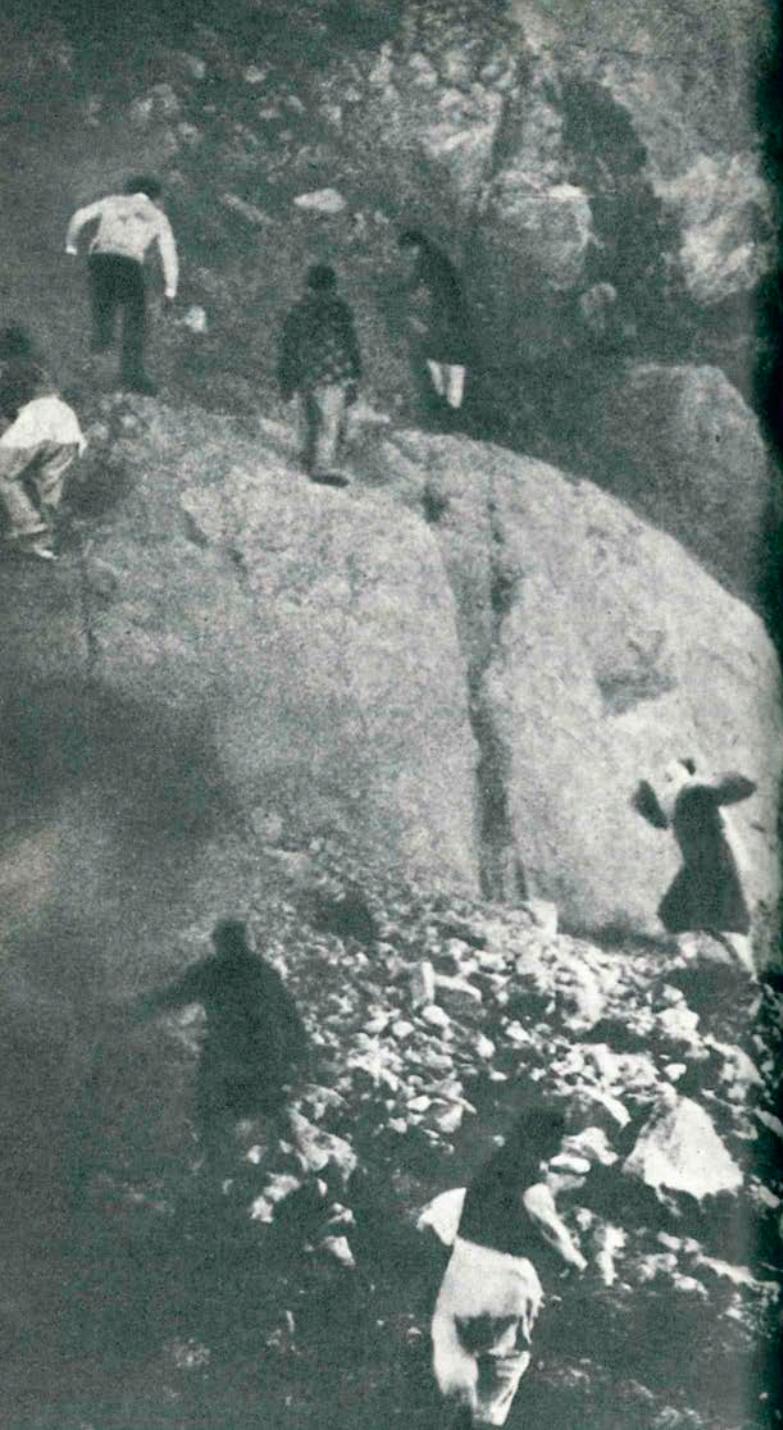
— Летим, Андрей Васильевич...

Аэропорт в Бидри был расположен неудобно для летчиков: чуть ли не от грани летного поля начинались холмы и переходили в отроги неприветливых бурых гор. Горы эти со всех сторон окружали впадину, в которой лежал город и аэропорт. Последствия землетрясения были заметны еще с воздуха: над городом стоял дым, кое-где поднималось кверху пламя непотушенных пожаров.

На летном поле работали краны, бульдозеры, катки. Приводили в порядок бетонные плиты, ремонтировали асфальт перрона.

...Когда Тимченко сошел с трапа, к нему поспешил представитель Аэрофлота, усталый, с красными от недосыпа глазами.

— Ночью опять был толчок,— рассказывал он.— Обратный вылет через час: чем скорее улетите, тем лучше... Наши строите-

ли в большинстве остаются — участвовать в восстановительных работах. А жены, дети и больные уже здесь, ждут посадки...

Представитель отошел, чтобы посмотреть, как идет разгрузка. А Тимченко подозвал Тамару:

— Тома, беги поторопи их с набором питания.

Сам же Андрей Васильевич отправился в диспетчерскую...

...Тамара уже шла назад к самолету, когда вдруг случилось что-то непонятное: будто кто-то выдернул у нее из-под ног землю. Девушка упала, попробовала вскочить, но тут же снова села на бетон. Откуда-то — не сверху, не сбоку, а снизу, из самой земли, донесся тяжелый нарастающий гул.

В испуге и удивлении Тамара смотрела, как сыплются с фасада аэровокзала гигантские буквы, составляющие слово «Бидри».

Тяжело вздохнув, земля расступилась. По взлетному полю побежала извилистая черная расщелина. Она пересекла взлетную полосу, не посередине, а ближе к концу, и зацепила краем МРД — магистральную рулежную дорожку.

Кричали, метались люди — смуглолицые местные жители, летчики, аэроромная обслуга.

Со скрежетом стукнулись боками бульдозер и ярко-желтый джип. На Тамариных глазах огромный «Боинг», стоявший на перроне, качнулся, беззвучно тронулся с места и медленно покатился к аэровокзалу. Заскрежетали алюминиевые конструкции, зазвенела, рухнула стеклянная стена — «Боинг» протаранил ее своей лобастой головой, обрушил лестницы, ведущие на второй этаж, и только тогда остановился. С лестниц посыпалась люди. В уши Тамаре ударили крики, вопли, стоны.

Прямо на девушку мчался черно-желтый клетчатый автомобилльчик с надписью «Фоллоу ми» («Следуй за мной»). Тамара зажмурилась от страха. Но машина, не доехав двух шагов, затормозила. Из нее выскоичил Игорь Скворцов — это он был за рулем.

— Ты чего тут расселась? — закричал он с явным облегчением, увидев, что Тамара цела и невредима. — Я тебя ищу, ищу!

...Они ехали вдвоем, и автомобиль подпрыгивал на покореженных плитках, как лодка на волнах. Тамара упрямо не глядела на своего спасителя, даже «спасибо» не сказала.

Когда они подъехали к самолету, у трапа уже толпились люди: женщины с детьми и десяток мужчин — большинство в бинтах. Некоторых принесли на носилках.

Тимченко и не глянул на выскоичивших из машины Тамару и

Скворцова: он был занят разговором с представителем Аэрофлота и седьмым загорелым мужчиной, который лежал на носилках, поставленных на землю.

— Даже не знаю, какое принять решение,— говорил мужчина, судя по всему начальник.— Взлетать сейчас рискованно... Как считаете?

— Обстановка сложная,— сдержанно сказал Тимченко.

— Может быть, эвакуировать людей на юг? Автобусы еще... Но лежащий на носилках не успел докончить фразу. Раздался такой гул, такой грохот, что, кроме него, ничего не стало слышно. На горизонте рванулся в небо столб пара и дыма — и сразу окрасился в багровый цвет. Это заработал потревоженный землетрясением вулкан.

Люди, собравшиеся у самолета, смотрели молча, не в силах оторвать глаз, как вулкан заволокло густым белым туманом. В нем будто молнии мелькали проблески огня, разлетались во все стороны красные искры. Конечно, только отсюда, издали, они казались искрами: это были вулканические бомбы — глыбы раскаленной породы.

Грохот стих, и в наступившей тишине представитель Аэрофлота сказал почти весело:

— Во... Только этого нам и не хватало.

Теперь стало видно, что белая пелена тумана быстро опускается вниз по склону горы, направляясь к аэродрому.

— Это сель, грязевой поток — констатировал лежащий на носилках.— Быстро, негодяй, бежит...

Из форточки с левой стороны кабины высунулся Ненароков.

— Андрей Васильевич! Башня передала: с гор на нас идет поток — грязь и раскаленная лава. Скорость большая, уже перерезана автострада...

Видимо, это сообщение получили одновременно и другие самолеты: вокруг них забегали, засуетились техники.

— До нас дойдет?— спросил Тимченко у лежащего на носилках. Тот покал плечами.

— Раз на раз не приходится... В двадцать седьмом году полгорода снесло... Надо срочно эвакуироваться.

— На чем?— раздраженно сказал представитель Аэрофлота.— Транспорта нет... И не будет.

Андрей Васильевич секунду подумал. Потом сказал:

— Значит, так. Взлетать рискованно, оставаться невозможно. Отсюда вывод: будем взлетать... Всем на борт. Выруливаем и взлетаем! Остальное обсудим в Москве.

...Тамара с бортпроводником помогали подняться по трапу больным, раненым, женщинам с маленькими детьми. Внесли на носилках и начальника строителей. Чемоданы и тяжелые коробки остались на земле, в электрокаре.

Увидев, что идет посадка, к самолету со всех сторон побежали люди — пассажиры с разных рейсов. Испуганные, растерянные, они сгрудились у трапа. Большинство молча ожидало решения своей судьбы. Только трое самых нервных, перебивая друг друга, объясняли бортпроводнице на разных языках, что их надо, обязательно надо взять на борт.

Тимченко подсчитал глазами: иностранцев собралось человек двадцать. Был среди них и раненый. Чтобы он не упал, его поддерживали под руки.

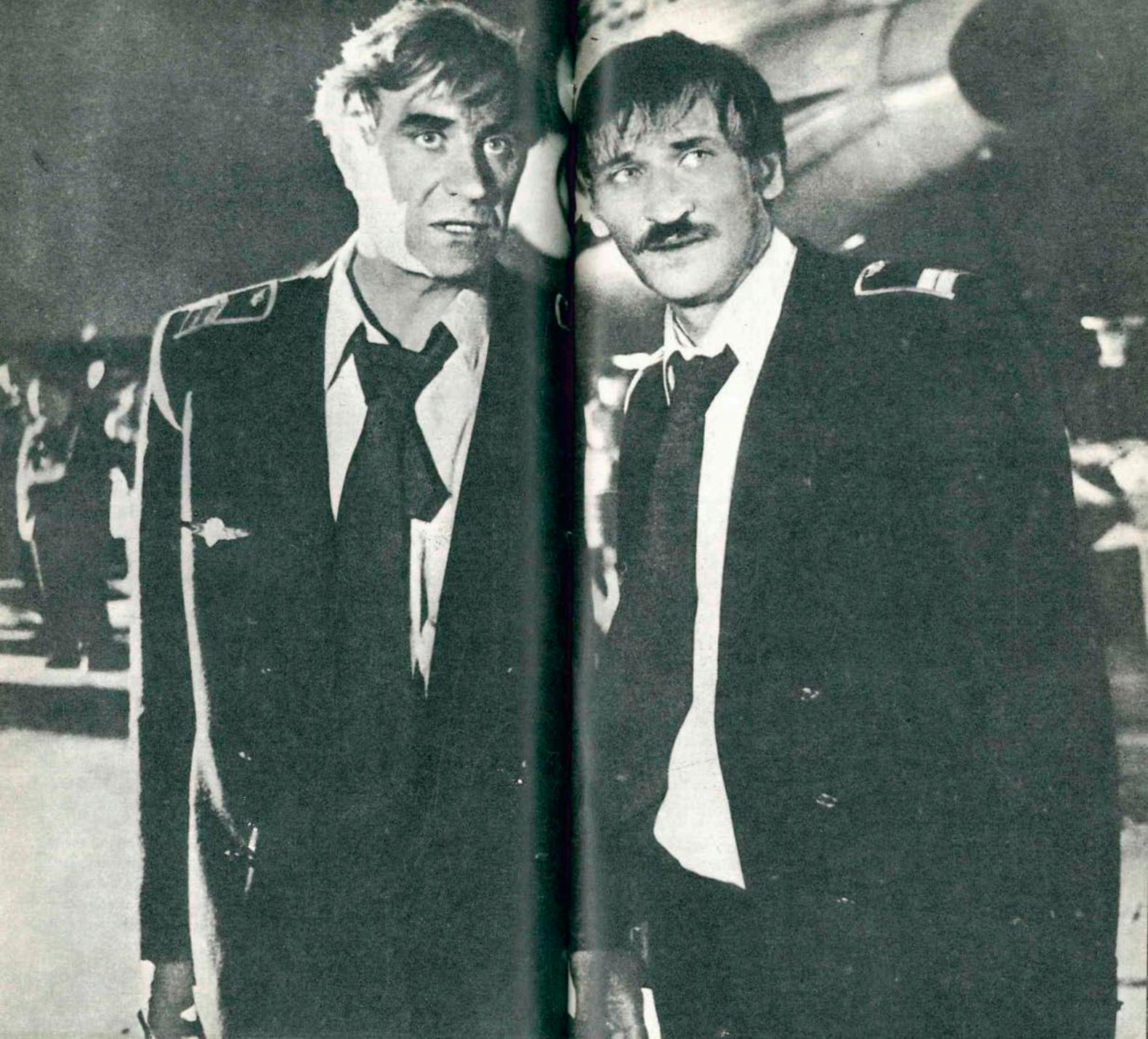
— Я их возьму. Не возражаешь?— спросил он представителя Аэрофлота. Тот кивнул головой.

— Возьми, конечно.

— А тебя не зову. Ведь не полетишь?

Представитель только усмехнулся в ответ. Они обнялись на прощание, потом Тимченко снял фуражку, неторопливо вытер внутри платком, снова надел на голову и поднялся по первому трапу.

...Четыре самолета — японский, скандинавский и два немецких — одновременно, чуть не в хвост друг другу, стали выруливать с перрона.

Вдруг совсем рядом раздался оглушительный взрыв, и над топливохранилищем взметнулось пламя: может, пробила крышу, долетевшая сюда вулканическая бомба, а может, замкнулись потревоженные землетрясением провода. Взрывной волной скандинавский самолет кинуло на немецкий — так, что они сцепились крыльями и, изувеченные, остановились оба.

Советские летчики видели это из окна своей кабины. В их сторону двигалась огненная река: горящее топливо разлилось по полу.

— Что делается, что делается,— покачал головой штурман. А Тимченко невозмутимо сказал:

— Продолжаем читку карты.

Штурман щелкнул переносным табло:

— Генераторы!

— Включены! — отозвался Игорь.

— Давление!

— Давление семьсот сорок пять выставлено, высота ноль,— отвечали Ненароков и Тимченко.

— Рули!

— Проверены и свободны...

...Японский самолет — он был заметно меньше остальных — уже бежал по взлетной полосе. Когда до расщелины, пересекавшей полосу, оставалось каких-нибудь сто метров, он оторвался от земли и стал набирать высоту. В ту же секунду с исполнительно-го старта начала разбег машина «Люфтганзы». Это был громадный «Дуглас», и Тимченко, следивший за ним из окна кабины, сокрушиенно вздохнул.

— Не успеет? — полуутвердительно спросил Ненароков.

И действительно, «Дуглас» не хватило полосы. Передняя его нога попала в расщелину, и огромный самолет встал на попа, перевернулся на спину и загорелся.

Откуда-то вывернулась пестрая машина руководителя полетов. Из нее выскоцил человек в шлемофоне и замахал жезлом, запрещая советскому самолету выруливать на исполнительный.

— Вот чудак, — добродушно сказал Тимченко. — Неужели же мы туда полезем?.. Будем взлетать по рулежной. Да, Валя?

Валентин кивнул, а штурман за его спиной удивился вслух:

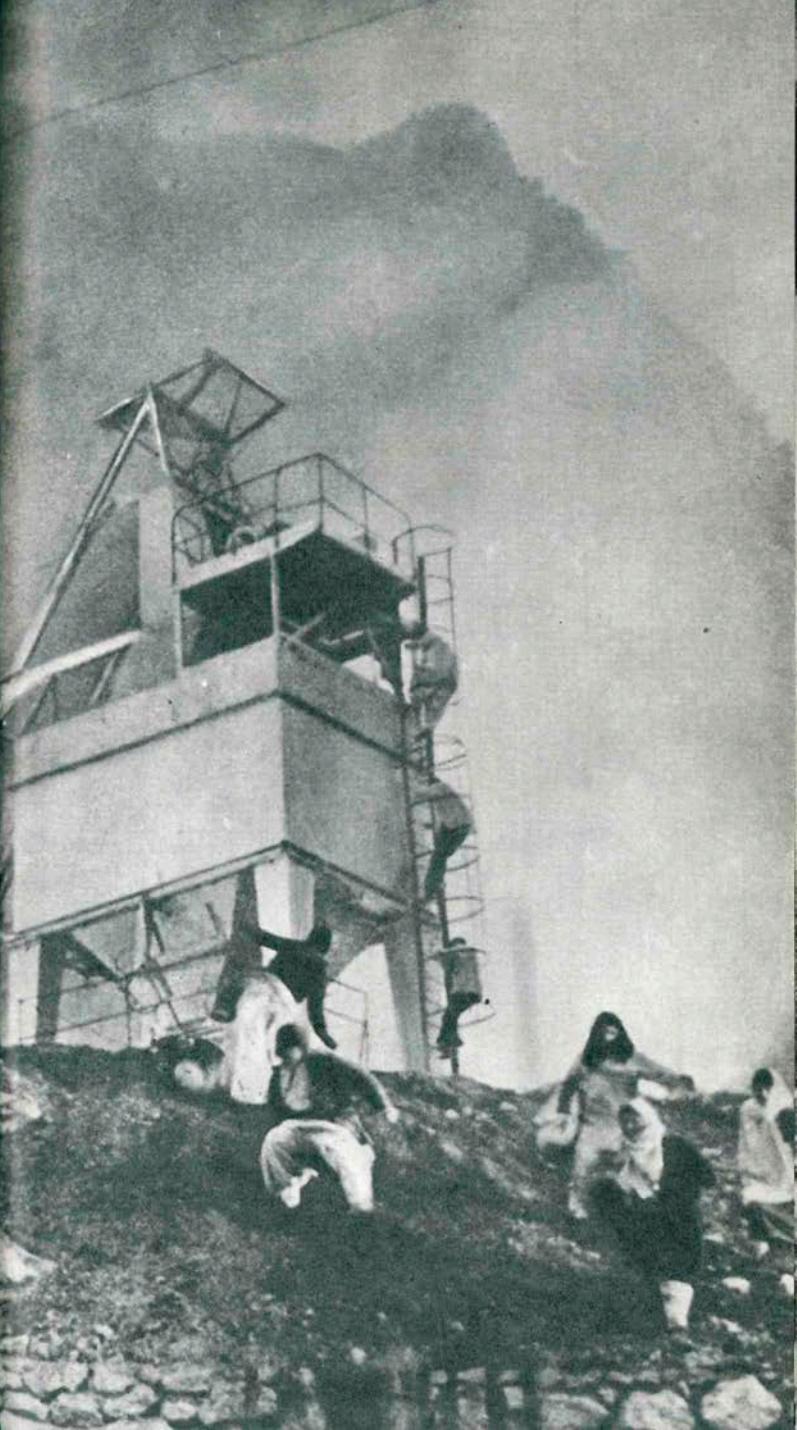
— По рулежной?

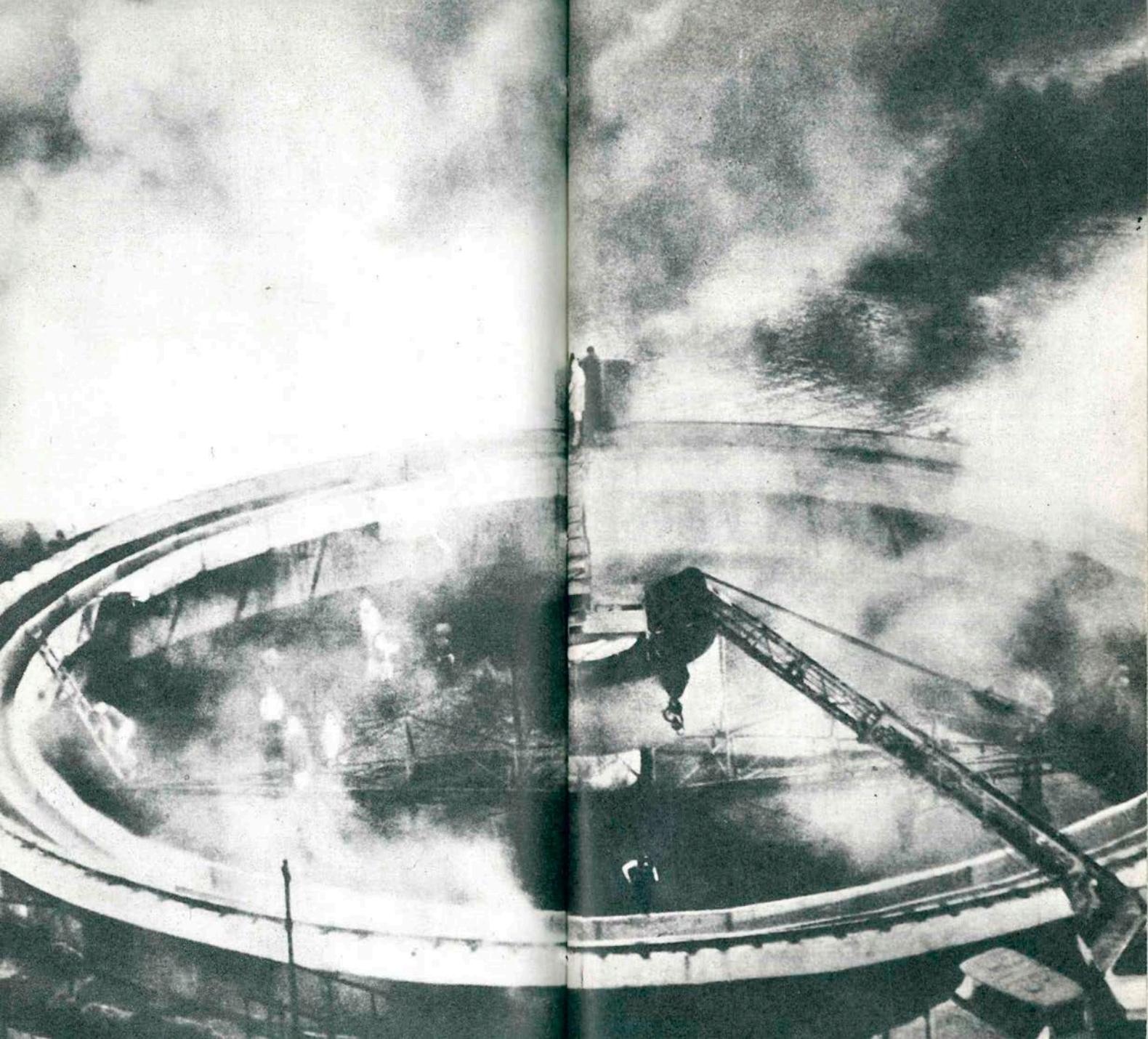
МРД — магистральная рулежная дорожка — не приспособлена для взлета. Она много уже ВПП — взлетно-посадочной полосы. Но выбора сейчас не было: на взлетной дрогорал «Дуглас», а МРД была свободна, и расщелина пересекала ее в самом конце.

Тимченко по-английски запросил у диспетчера разрешения взлететь с МРД.

...В башне, где не осталось в окнах ни одного целого стекла,

сидели три диспетчера, потные, взлохмаченные. Отсюда видно было поле с исколоченными самолетами, с целым озером пылающего топлива. И отчетливо виден был надвигающийся на аэропорт сель. Вал из грязи, камней и лавы шел, сметая на пути деревья, стесывая скалы, глотая одноэтажные дома и склады на подступах к взлетному полю. Три раза голос Тимченко просил разрешения на взлет, прежде чем диспетчер — тоже по-английски — неуверенно ответил:

— Взлет с МРД на ваше усмотрение.

Тимченко положил тяжелые спокойные руки на рога штурвала.

— Двигателям взлетный! — приказал он.

Игорь ответил, передвинув рукоятки:

— Двигатели на взлетном!

Обоим приходилось кричать, чтобы перекрыть быстро нарастающий гул селя.

— Экипаж, взлетаем! — Тимченко передвинул секторы газа от себя.

Машине уже набирала скорость, когда очередной толчок шатнул землю. Покачнулась и начала медленно заваливаться тридцатиметровая мачта с прожекторами, стоявшая сбоку от МРД.

Оставшийся на перроне представитель Аэрофлота смотрел, оцепенев, как сближаются самолет и падающая металлическая машина.

«Ту-154» почти успел пройти, однако мачта, рухнув и размозжив мимоходом бульдозер, слегка зацепила все-таки хвост самолета. Пика громоотвода на верхушке мачты царапнула по фюзеляжу, забаранили по обшивке сорвавшиеся прожектора.

Но машина бежала вперед: останавливаться было уже нельзя.

— Сто восемьдесят! — выкрикал скорость штурман. — Двести!.. Скорость принятия решения!

И, убежав от надвигающегося каменного потока, обманув подстерегающую впереди расщелину, «Ту-154» взлетел над пылающим полем в небо, где для него не было опасностей... Так, во всяком случае, думали в ту минуту летчики.

Когда самолет вошел в левый разворот, набирая высоту, Тамара увидела в окно повернутую землю. И вдруг, словно не сумев удержаться на этом косогоре, маленький далекий аэровокзал с башенкой развалился на куски. Это был последний толчок большого землетрясения в Бидри.

Тамара зажмурилась и отшатнулась от окна.

... Тимченко докладывал Москве:

— Я восемьдесят пять четыреста шестьдесят восемь. Взлет произвел, высота тысяча двести... Самолет плохо слушается руля

высоты. Предполагаем повреждение посторонним предметом на взлете...

Самолет шел в спокойном вечернем небе. Через просветы между облаками виднелись внизу морщинистые горные кряжи. В салоне пассажиры громко и нестройно пели вечную «Катюшу» — радовались тому, что страхи остались позади, что летят домой. Иностранцы не пели, но улыбались и даже притопывали в такт: они чувствовали себя гостями и хотели быть приятны хозяевам. Те из раненых, которые не могли сидеть, лежали — каждый на трех креслах с откинутыми подлокотниками.

В первый салон вошел Игорь и стал торопливо скатывать ковровую дорожку в проходе между креслами. Поющие понемногу замолкли. Люди с удивлением и тревогой смотрели, как Игорь вскрыл первый люк — ближний к кабине — и спустился под пол, в багажное помещение.

Фонариком он осветил зеленые с черными кольцами трубы — тяги рулей. Осторожно потянул в одну сторону, в другую. Тяги руля поворота ходили легко, а тяги руля высоты почти не двигались.

По СПУ — самолетному переговорному устройству — бортинженер доложил командиру:

— Тяги руля высоты почти не ходят... Внешних повреждений нет. Перехожу в следующий отсек.

А около буфета два ряда кресел были вообще сняты. Там устроили импровизированный госпиталь. На разостланной простиранье лежал пожилой англичанин с открытым переломом голени, это его поддерживали под руки у трапа. Врач закрутил жгут, чтобы остановить кровотечение, и наложил лубки. Следующий пациент уже ждал своей очереди. Рот у него был широко открыт и сдвинут на сторону.

— Челюсть сломал, — объяснили доктору.

Тот бегло ощупал лицо больного и уточнил:

— Не сломал, а вывихнул.

Одной рукой он придержал больного за затылок, другую сунул ему в рот, ухватил за зубы и быстрым беспощадным движением рванул вниз и назад. Пациент охнул, пошевелил челюстью и сказал удивленно:

— И все дела?.. Спасибо.

— Не за что, — отмахнулся доктор. — Самая трудная часть операции — убрать ~~вовремя~~ руку, чтобы пальцы не откусили.

Доктор, как и все, был в приподнятом настроении.

А в кабине атмосфера была совсем другая.

— Москва, центр! — вышел на связь Тимченко. — Я — восемьдесят пять четыреста шестьдесят восемь. Перелетел государст-

венную границу СССР, пройду траверз Ленкорани в двадцать три десять.

В кабину вошла встревоженная Тамара.

— Что такое? — спросил Ненароков.

— Во втором салоне какой-то свист. И температура понизилась.

Игорь поднялся с кресла:

— Я пойду посмотрю. Разрешите?

Тимченко кивнул.

...Заложив руки в карманы, Игорь стоял в хвостовой части самолета и смотрел вверх, на потолок салона. В одном месте обивка была разодрана, и в эту дыру со свистом уходил воздух.

Бортинженер рванул обивку, раздвинул теплоизоляцию и увидел трещину в дюралевой обшивке самолета. Трещину шириной в два пальца. В нее медленно уползал, втягиваясь поролон теплоизоляции.

Игорь был человеком храбрым до отчаянности, но это зрелище заставило его измениться в лице и невольно отступить на шаг.

...Когда Игорь, осмотрев хвостовую часть, возвращался назад, пассажиры уже не пели. Женщин с детьми перевели в первый салон: там было немного теплее. Бортпроводницы раздавали пледы, помогали укутать детишкам. Игорь прошел в кабину...

...Тимченко докладывал Москве:

— Снижаюсь до трех тысяч: самолет разгерметизирован... в обшивке, в хвостовой части, обнаружена трещина. Размеры уточняем.

К зданию Министерства гражданской авиации на Ленинградском проспекте подъезжали одна за другой черные «Волги». Люди, приехавшие на них, торопливо здоровались друг с другом, торопливо входили в стеклянные двери.

...Наверху, в просторной приемной, их встречал референт. Всем он говорил одну и ту же фразу:

— Проходите, пожалуйста, ждет.

В кабинете уже собралось человек десять. Шторки большой настенной карты были раздвинуты. Озабоченный человек в летной форме, стоя возле карты, докладывал хозяину кабинета ситуацию:

— На конечном этапе разбега, в момент отрыва от земли, имел место еще один подземный толчок. При этом самолет получил повреждения: вышел из строя руль высоты и в хвостовой части фюзеляжа образовалась трещина, размеры которой уточняются.

Из селектора раздался металлический голос:

— Самолет прошел траверз Ленкорани в двадцать три тридцать... Высота три тысячи, скорость пятьсот...

— Да... Ситуация, — сказал хозяин кабинета. — Надо к ним послать кого-нибудь. Пускай пристроится с хвоста, произведет осмотр наружных повреждений...

Один из сидящих за столом сейчас же отзвался:

— Рейсом Баку — Ашхабад идет «Ил-18». Может, его?

В кабине Тимченко слушал сообщение Москвы:

— «Ил-18», следовавший рейсом Баку — Ашхабад, получил указание изменить курс, пристроиться к вам с хвоста и произвести осмотр повреждений...

Опять прибежала Тамара.

— Андрей Васильевич, пассажиры волнуются: некоторым дышать трудно... Что мне делать?

— Что делать? — задумчиво сказал Тимченко. — Сделай вот что. Принеси-ка нам, Тамарочка, кофейку.

— Что? — Тамара подумала, что ослышалась.

— Кофейку, кофейку... И вообще, поменьше волнуйся. Не бегай по салонам, а ходи спокойно... Мы снижаемся, дышать станет легче... И распорядись, чтоб достали чемоданы из багажного: пусть оденутся потеплее.

...Через вскрытый Игорем второй люк бортпроводник и двое строителей выгружали из багажного отделения чемоданы. Их раскрывали тут же, в проходе, и пассажиры одевались кто во что. Особо теплых вещей ни у кого не было: летели из южной страны.

...Когда появился «Ил-18», было уже совсем темно. Пристроившись в хвост самолету Тимченко, «Ил» зажег посадочные фары и сообщил по радио результаты осмотра:

— «Ту-154», вы меня слышите?.. Вижу вас хорошо. Руль высоты внешних повреждений не имеет, но в носовой его части виден какой-то посторонний предмет... На воздухозаборнике среднего двигателя вижу вмятину... Под ним, в верхней части фюзеляжа, трещина длиной около метра и загнут лист обшивки — встречным потоком.

— Спасибо, — поблагодарил Тимченко и повернулся к своим. — Ну, мастера, слышали?.. Что делать будем?

Наступила пауза. Все выжидательно смотрели на Скворцова. Помедлив, он сказал:

— С такими повреждениями мы далеко не улетим. А сесть без руля высоты не можем... Поэтому предлагаю: прорубить гермошпангоут, выйти в хвостовой отсек и проникнуть в канал воздухо-

заборника. Через него добраться до трещины и попробовать вернуть на место задравшуюся обшивку. Это должно приостановить развитие трещины... Задача рискованная, но, считаю, выполнимая!

Скворцов говорил громко, сухими четкими формулировками — будто сдавал экзамен нелюбимому преподавателю.

— Наконец, самое для нас важное и самое трудное — обследовать руль высоты и попытаться устраниТЬ неисправность... Этим займусь после трещины...

Тимченко задумался. Потом, приняв, видимо, решение, спросил все же Ненарокова:

— Твое мнение?

Ненароков тоже помолчал, прежде чем ответить:

— Теоретически возможно. Практически, по-моему, никто этого никогда не делал... Но у нас, Андрей Васильевич, другого выхода нет. Надо пробовать.

Тимченко удовлетворенно кивнул.

— Согласен. Попробуй, Валя...

Скворцов просто задохнулся от злости.

— Почему он?! Это моя идея, и, в конце концов, это мои обязанности. Я инженер!

— Приступай, Валентин,— спокойно повторил Тимченко. Чтобы Ненарокову выйти из кабинета, Игорь должен был отодвинуться вместе с креслом. Но он этого не сделал, не тронулся с места.

— Андрей Васильевич! Его сдует — вы будете отвечать! — Игорь выкрикивал все, что ему диктовала обида.— Он не знает как. А я знаю! Я и должен!. Андрей Васильевич, я буду жаловаться. Вы из-за личных счетов...

— Ты где находишься? Ты с кем разговариваешь? — Тимченко был их тех людей, которые, не повышая голоса, умеют придать ему такой напор, что устоять трудно. Не устоял и Скворцов. Он откатился в кресле, пропуская Валентина. А Тимченко продолжал:

— Да, Ненароков мне больше нравится. У него больше опыта, больше хладнокровия. Он и будет выполнять. А ты пойдешь с ним — помогать ему снизу.

Скворцов и Ненароков рубили заднюю стенку туалета пожарными топориками. Заглянувший в дверь пассажир смотрел с тревогой и удивлением, как на месте зеркала возникает безобразная дыра.

...Тамара ходила по салону, обаятельно улыбалась и спрашивала по-русски и по-английски:

— Уважаемые пассажиры! Не найдется ли у кого-нибудь лишний свитер, теплая куртка? Очень нужно для экипажа.

Кто-то неохотно расстался с теплой кофтой (в салоне было одиннадцать градусов), кто-то отдал пончо:

— Не знаю, подойдет ли...

А рослая блондинка, наверно норвежка, сняла и отдала Тамаре надетый поверх костюма красный спортивный комбинезон:

— Вилл ит ду?

В Министерстве гражданской авиации хозяин просторного кабинета и все, кого он вызывал к себе, слушали теперь лысоватого инженера в очках. Повесив рядом с картой схему самолета «Ту-154», инженер рассказывал и для ясности помечал фломастером полученные самолетом повреждения, а также путь, который предстояло проделать Ненарокову.

— Они хотят пройти вот здесь... Подняться сюда и добраться до трещины... И попробуют залатать.

— Садиться им надо, а не фокусы показывать! — сказал, повернувшись к хозяину кабинета, импозантный седой мужчина.— Садиться, и чем скорей...

Инженер сердито блеснул очками.

— Да не могут они сесть! У них руль еле-еле ходит!.. В воздухе им и половины руля хватит. Но при подходе к земле, при посадке надо иметь полный ход штурвала. Это ребенку понятно!

Хозяин кабинета поморщился: не стоило инженеру разговаривать в таком тоне.

— Рискованное дело, рискованное,— дипломатично сказал хозяин.— Но раз Тимченко принял решение, видимо, другого выхода нет.

Он нагнулся к селектору.

— Дополнительно запросите состояние раненых. Не нужна ли медицинская консультация...

Раздевшись до трусов, Валентин торопливо облачался во все теплое, что добыла Тамара: шерстяное белье, тренировочный костюм, свитер, пончо и красный женский комбинезон. Вид у него был довольно смешной, но Тамара — здесь, где ее не видели пассажиры,— не улыбалась. Она знала, что предстоит Ненарокову. А тот посмеивался:

— Космонавт Ненароков к выходу в космос готов.

Мрачный и молчаливый Игорь повесил ему через плечо джинсовую, вышитую букетиками сумку. Там был инструмент. Он помог Ненарокову надеть наушники, для надежности примотал их к голове бинтом, а на лбу тем же бинтом закрепил электрический фонарик. Потом обвязал Валентина вокруг пояса спасательным канатом и конец каната дал ему в руки:

— Держи.

Шлепнув Игоря на прощание перчаткой, Валентин протиснулся сквозь дыру в негерметичный отсек. А Скворцов остался у шпангоута. Не выдержав, Тамара сказала ему:

— Он полез, а ты здесь?

— Точно. Он полез, а я на подхвате,— со злобой ответил Игорь.— Умею устроиться.— И он надел наушники.

...Ненароков осматривался в полутемном закутке, скошенном, как каморка под лестницей. Потолком каморки был изгиб воздухозаборника, куда предстояло проникнуть Валентину. (Канал воздухозаборника — это широкая труба, через которую всасывается воздух для двигателя.)

— Ну как ты?— раздался в наушниках голос Тимченко.

— Пока нормально... Стою в хвостовом отсеке под двигателем.

...Штурман напряженно следил за курсом и высотой, ведь всего в ста метрах находился сопровождающий их Ил-18». А Тимченко, ведя самолет, разговаривал с Ненароковым.

— Закрепи фал именно здесь, — советовал Тимченко, — Чтобы можно было втащить тебя обратно.

— Да не беспокойтесь, Андрей Васильевич,— ответил голос Ненарокова. Андрей Васильевич нахмурился.

— Повтори, как понял?

— Закрепить фал... Завязываю двойным узлом за такелажное ухо.

— Средний движок я выключил... Не торопись. Двигайся осторожно... Я буду и дальше уменьшать скорость, но меньше четырехсот не смогу. Так что ветер тебя потреплет, не обижайся.

...У гермошпангоута их разговор хмуро слушал Игорь Скворцов.

— Скворцов тебе не нужен?— спрашивал голос Тимченко.

— Пока нет...

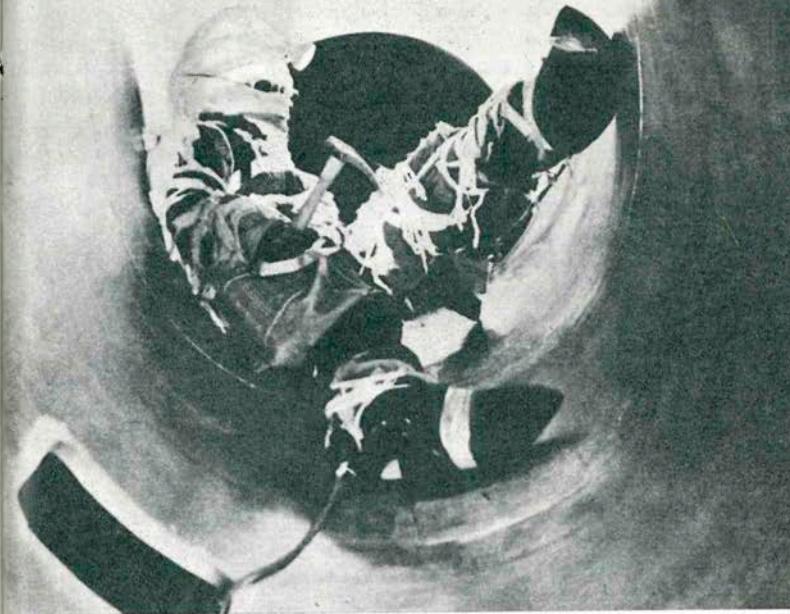
...Светя себе фонариком, закрепленным на лбу, Валентин открыл замки люка воздухозаборника. Открыл все четыре, сообщил об этом в кабину и медленно, с трудом протиснулся в лючок.

И сразу ударил в лицо, завыл ледяной ветер. Валентин лежал в трубе с совершенно гладкими стенками. А надо было ползти по ней вперед и вверх.

С трудом достав из сумки отвертку и молоток, Валентин пробил в стене трубы две дырочки и продел сквозь них кусок проволоки. Получилась петля. В наушниках раздался голос командира:

— Валя! Почему молчишь? Что делаешь?

— Стремена делаю. Иначе не долезть. Скользко... Штук шесть придется делать.

— Только ты не молчи, дорогой. Говори каждое свое движение... И ты будешь лучше осмысливать, и мне спокойней...

...В салоне, среди пассажиров, нарастало беспокойство. К начальнику строителей, который лежал поперек трех кресел укрытый пледами и решал кроссворд в старом «Огоньке», явилась целая делегация — две женщины и мужчина. Мужчина начал:

— Сергей Николаевич! Почему нас не кормят? И вообще, почему ничего не объясняют? Мы имеем право знать!

— Объяснят, когда можно будет,— пожал плечами Сергей Николаевич. Лицо у него было серое, губы посинели от недостатка кислорода.— А пока я нашел себе занятие: мне после инфаркта нельзя волноваться. И вам не советую... Карты у вас есть? Взяли бы и сыграли.

— При чем тут карты?!— возмутился мужчина.— Ведь явно же происходит что-то! А от нас скрывают, как от маленьких! Чего они боятся? Я войну прошел... Чем так сидеть, мы могли бы помочь.

Сергей Николаевич усмехнулся.

— Да все равно они нам правды не скажут. Успокоят: маленькая неисправность, ничего серьезного... Вот давайте так и считать.

...С помощью проволочных стремян Ненароков забрался по воздухозаборнику наверх, почти к самому входу. Встречный поток

трепал его, пихал обратно. То и дело Валентин ударялся подбородком или плечом о ледяной металл.

Вход в воздухозаборник круглый. Но сейчас его частично загораживал дюралевый лист — край задравшейся обшивки фюзеляжа.

Онемевшими от холода пальцами Валентин схватился за угол обшивки — и окнулся от боли, выругался вполголоса.

— Что у тебя? — послышался встревоженный голос Тимченко.

— Ерунда. Руку поцарапал... Игорь, давай проволоку!

...Изнутри самолета, из салона, Игорь с помощью пассажира — того, который возмущался, почему им не говорят, что случилось, — пропихнул в дыру на потолке два длинных куска толстой прочной проволоки...

...В ключья изрезав перчатки о рваные края металла, Ненароков зацепил загнутый крючком конец вылезшей снизу проволоки за дырочку в листе дюраля. Затем подтянул к себе вторую проволоку и стал просовывать ее в другую дырочку от вылетевшей заклепки. Он снова резал руки о металл, но они так закоченели, что он уже не чувствовал боли. Шарф, прикрывавший его рот, заиндевел, стал белым и пушистым.

Зацепив проволоку покрепче, Ненароков покачал ее вверх и вниз, подавая Игорю сигнал тянуть. И сам стал изо всех сил толкать от себя задравшийся лист обшивки.

...А внизу, в салоне, Игорь и двое пассажиров помогали ему: налегая всем весом, тянули проволоку к себе.

...Поддаваясь этому двойному усилию, лист обшивки медленно разогнулся, лег на место, прикрыл трещину в фюзеляже.

...Впервые с начала рейса в салоне стало тихо. Прекратился зловещий свист. С помощью металлической перекладины от вешалки два пассажира закручивали проволоку потуже, чтобы подтянуть, зафиксировать возвращенный на место лист обшивки.

— Дай помаду, — попросил Игорь у подошедшей бортпроводницы. И обвел трещину по периметру ярко-красной линией, чтобы заметно было, если начнет увеличиваться.

...Валентин Ненароков, закрепившись при помощи крюка — чтобы не сдуло ветром обратно в трубу, — высунулся по плечи в открытое пространство. По фюзеляжу гуляли блики от фар «Ила»: он по-прежнему сопровождал их, светя сверху на хвост «Ту-154». А кругом было черное небо, и на нем развесаны звезды — крупные, белые, как спелые антоновские яблоки.

...В кабине Тимченко говорил в микрофон:

— Валя, ты молодец, ну просто молоток!.. Что сейчас делаешь? Почему молчишь?.. Валя!

Не сразу послышался голос Ненарокова:

— Микрофон за шею развернуло. А руки заняты... Андрей Васильевич, ночь какая красивая, звездная.

— Что-что? — опешил не привыкший к лирике Тимченко. — Ты не поморозился?

— Ничего... Хочу посмотреть отсюда на руль высоты. Может, пойму что-нибудь.

— Все. Хватит! — твердо сказал Тимченко. — Спускайся, отдохни, отогрейся... Слышишь? Повтори, как понял.

... Ненароков, усталый бесконечно, лежал на полу в хвостовой части. Игорь растирал его, мял коленями и руками, а Тамара осторожно стаскивала липкие клочья — все, что осталось от перчаток. Когда она увидела его руки — все в крови, искромсаные острым металлом, — то не выдержала и заплакала.

— Чего ты воешь? — грубо сказал Игорь. — Таски доктора... Руки ерунда, он мог глаза потерять.

...Командир экипажа докладывал Москве:

— Трещина в фюзеляже пока не увеличивается — задравшийся лист отогнули на место и закрепили.

— Консультация по рулю высоты нужна? — спросила Москва. — Тут у нас все специалисты собрались.

— Спасибо, пускай рядом побудут.

— Понял... Запасные вам подготовили: Минводы, Киев...

— Садиться не буду, пока не разберемся с рулем. Сейчас им займемся.

Вошел Игорь. С каким-то даже торжеством он объявил:

— Ненароков руки до кости изрезал. И обморозился, кроме того. Он не может снова лезть... Придется вам, Андрей Васильевич, послать меня!

— Врач около него?

Скворцов кивнул.

— Так-так,— сказал Тимченко.— Шлет царь второго сына... Иди, Игорь, готовься. Лицо жиром намажь.

...Теперь к путешествию готовился Игорь. Он надел тот же изодранный красный комбинезон, который был на Ненарокове, повесил за спину ту же джинсовую сумку. Фельдшерица густо намазала ему лицо каким-то кремом.

...А Тимченко тем временем докладывал Москве:

— Приступаем к ремонту руля высоты. Бортинженер проникнет в носок киля, поднимется по нему до самого верха, прорубится наружу и попробует извлечь застрявший в руле высоты посторонний предмет...

В Министерстве гражданской авиации лысоватый инженер в очках отмечал на схеме «Ту-154» маршрут, о котором говорил Тимченко:

— Вот здесь ему придется прорубать нервюру, здесь — вторую... Вообще-то не разгуляешься: тесно очень.— Он прочертил красным фломастером вертикальную линию внутри носка киля.— Тут и тяги, и труба противообледенения...

— А реально это?— спросил кто-то из сидевших за столом. Инженер только пожал плечами.

Игорь, стиснутый с трех сторон металлическими стенками, рубил топором нервюру. Нервюра — это перфорированная тонкая переборка из дюраля. И прорубить ее было бы нетрудно, если бы не теснота. Ни размахнуться, ни ударить как следует. По лицу Игоря катился пот.

— Что у тебя?— спросил голос Тимченко.

— Все то же. Рублю.

...В кабину вошел и сел в свое кресло второго пилота Валентин Ненароков. Руки у него были забинтованы, на лбу и на щеках проявились обмороженные места — красные пятна, которым предстояло стать черными. Тимченко улыбнулся ему и даже похлопал рукой по колену, продолжая слушать Игоря. Голос бортинженера докладывал:

— Первая нервюра готова. Лезу выше, рубить вторую.

— Устал?— поинтересовался командир.

— Ничего. Ломать — не строить.

...И снова Игорь, мотая головой, чтобы пот не заливал глаза, рубил топором неподатливый дюраль... Дорубил и полез выше, протискиваясь между трубой и тягами. Одежда на нем уже висела лохмотьями. А фонарик, укрепленный на лбу, показывал своим светом, что лезть еще долго и пространства наверху еще меньше: носок киля кверху сужается.

...В кабине Тимченко спрашивал:

— Ты уже наверху?

— Да,— отвечал голос Игоря.— Тут блок радиостанции.

— Смотри не замкни электрику... Сам убьешься и пожар устроишь.

— В случае пожара звоните «01»,— непочтительно ответил Игорь.— Я больше не буду рубиться. Тут люк. Попробую выломать замки и отогнуть крышку.

— А не сорвет ее потоком?

— Ну и сорвет. Зачем она вам?

Тимченко покрутил головой и усмехнулся.

...«Ту-154» летел в темноте над невидимой черной землей. Только хвост самолета был ярко освещен фарами сопровождающего «Ила».

На верхушке киля, над плоскостью стабилизатора, распахнулся лючок. И сразу же крышку сорвало встречным потоком воздуха и унесло. Из отверстия, как танкист из люка, высунул голову Игорь. Но, ослепленный светом фар, он тут же спрятался обратно.

— Андрей Васильевич,— попросил он в микрофон.— Скажите ему, чтоб чуть поджал фары или пускай переместится так, чтобы на меня падала тень от руля!

«Ил-18», по-прежнему висевший над самолетом Тимченко, погасил одну фару.

Игорь снова вылез до половины и, неудобно выкрутив шею, поглядел вдоль стабилизатора на руль высоты.

— Вижу!— сообщил он командиру.— Там застряла какая-то деталь.

— Не наша?

— Нет. Какой-то обруч, по-моему... Попробую его зацепить и вытащить.

— Рассказывай, что делаешь,— потребовал командир.

— Достаю «кошку»...— Он вынул из сумки маленький остролапый якорек на толстой леске.— Буду понемногу справлять.

Неторопливо, будто за борт лодки, Игорь стал выпускать наружу леску с «кошкой» на конце. Как он и ожидал, встречный поток воздуха подхватил якорек, прижал к стабилизатору и пово-

лок назад. Но до руля высоты «кошка» не доползла — потоком ее отбросило вправо.

Игорь попробовал еще раз, но опять безрезультатно.

— Ну как там? — обеспокоенно спрашивал Тимченко.

— Пока никак... Надо парашют делать.

— Какой парашют? — не понял Андрей Васильевич.

— Для «кошки». Из рукава.

Он потерся плечом об острый край люка. Ткань комбинезона затрещала. Изловчившись, Игорь сорвал с левой руки рукав и один конец его прицепил к леске у основания якорька. Потом опять пустил по ветру «кошку», снабженную самодельным парашютом. И снова ее отнесло в сторону.

В Министерстве авиации по-прежнему следили за каждым действием экипажа Тимченко. Молодой бородатый инженер говорил:

— Вот эта идея, чтобы зацепить и вытащить «кошкой» на ветер...

— На фале... — машинально поправил хозяин кабинета.

— Да, на фале... Идея зацепить «кошкой» на фале мне решительно не нравится. Во-первых, «кошка» сама может застрять в руле высоты и еще усугубить положение...

Хозяин кабинета сказал с некоторым раздражением:

— Ну не ставить же этот вопрос на голосование!.. Они же действуют!.. Вы, по-моему, других идей им не подсказали?

В соседней комнате был накрыт стол. Проголодавшиеся за ночь участники совещания наспех подкреплялись чаем с бутербродами, слушая через открытую дверь, о чем говорят в кабинете.

— Смените полностью состав дежурных диспетчеров, — приказал в селектор хозяин кабинета. — Пускай заступят свежие люди, неуставшие.

Игорь, измученный, пророгший, снова выпустил якорек наружу. На этот раз ветер, наполнивший «парашют», потянул «кошку» куда следовало. Стравив метра два лески, Скворцов потянул к себе, опять отпустил, опять потянул... На четвертый или пятый раз «кошка» не пошла назад, зацепилась за что-то. Игорь с трудом высунулся и заворочал головой, светя фонариком. Точно: одна лапка ухватилась за обруч.

— Поймал рыбку! — крикнул он в микрофон, нырнул обратно в отсекатель стабилизатора и потащил что было силы. Обруч не поддавался. А у Игоря уже сил не осталось: он закоченел на тридцатиградусном морозе, на ветру.

— Держится, сволочь, — доложил он командиру. — Попробую по-другому.

— Особо не мудри, — встревожился Тимченко. Но Игорь не ответил. Он весь сжался, убрал ногу с упора и повис на какое-то мгновение, держась только за леску.

Его семьдесят килограммов сделали свое дело: обруч, заклинивший руль высоты, выскочил, и Игорь полетел вниз по крутыму вихрю внутри носка киля. Острые края прорубленных им нервюр раздирали на нем одежду, кожу. Он тяжело, так, что хрестнуло в груди, ударился о качалку тяги руля и остался лежать неподвижно.

— Что случилось?.. Игорь! Что с тобой? — спрашивал голос командира.

— Все нормально... — выдавил из себя Скворцов. — Проверьте руль высоты.

— Сейчас попробую... Полный порядок!

...Когда Игорь с трудом выбрался из негерметичного отсека через дыру в шпангоуте, к нему бросилась Тамара.

— Игоречек, хороший мой, как ты?

Она обхватила его, повела к ближайшему креслу.

— Я хорошо... Только не обнимай меня, пожалуйста. Я, по-моему, ребро сломал.

Он закашлялся и согнулся от боли.

...В кабине Тимченко говорил с Москвой:

— Я восемьдесят пять четыреста шестьдесят восемь. Курс двести сорок. Высота три тысячи. Скорость пятьсот... Руль высоты исправили, экипаж здоров.

— Инженеру и второму передайте благодарность, — сказала Москва.

— Передам с удовольствием... «Ил-18» можете отпустить. Спасибо им, здорово помогли.

— Уже отпустили. К вам идут сверху два истребителя ПВО. Для сопровождения... Будьте на связи. В Киеве гроза, фронт двести километров. Сдвигается на север... Готовим другие запасные варианты.

...Игорь Скворцов стоял в буфете, раздетый до пояса. Приподняв руки, он медленно поворачивался, а доктор тут же обматывал его грудь длинным купальным полотенцем.

— Два ребра, — беззаботно говорил доктор. — Но это вам повезло. Я всем советую: если ломать, так именно ребра... Очень хорошо срастаются...

Тамара с жалостью и нежностью смотрела на Игоря. Лицо у него было ободрано и поморожено еще сильней, чем у Ненарокова, — некрасивое лицо. Но Тамаре так не казалось.

«Ту-154» шел в ночном небе. В обычных рейсах ночью гасят свет, но на этот раз окна салона ярко светились. А в кабине свет не горел: чтобы летчикам лучше были видны светящиеся красным приборы.

Теперь вместо «Ила» самолет Тимченко сопровождали истребители. Один из них встал на крыло и прошел совсем низко над «Ту-154». Свет его фары выхватил из темноты хвостовую часть фюзеляжа. Потом фара погасла.

В кабине Тимченко слушал сообщение пилота с истребителя.

— Трещина в прежнем состоянии, не видно, чтобы росла...

Связавшись с Москвой, Андрей Васильевич объявил свое решение:

— Трещина, считаю, не будет увеличиваться, пока не возрастут нагрузки при снижении и посадке. Поэтому летим до Москвы и посадку произведем в Шереметьеве. В своем порту... Какие прогнозы по грозе? Не хотелось бы с нашим хвостом попасть в болтанку.

— Москва готова принять вас,— послышалось в ответ.— Но гроза движется быстрей, чем давали по прогнозу. Указания получили Рига и Ленинград.

Тимченко показал головой.

— У меня топлива не хватит. Ни до Риги, ни до Ленинграда...

...В салонах пассажиры, утомленные тревогами и волнениями этого рейса, спали. Бормотали, разговаривали во сне детишки. А те, кто не мог заснуть, молчали — только тихо постанывал человек со сломанной ногой. Не спал и Сергей Николаевич. Доктор делал ему инъекцию.

А в Москве готовились к встрече раненого самолета. К взлетной полосе потянулись могучие пожарные машины. Целый караул машин «Скорой помощи» выстроился у левой галереи.

На всякий случай подогнали сюда и технику: тягачи, краны, спецавтобусы.

...А по ночному шоссе торопились из Москвы в Шереметьево большие черные автомобили с желтыми фарами: это ехали к месту возможного происшествия участники совещания в Министерстве гражданской авиации.

Тот, кто вел совещание, говорил в трубку радиотелефона:

— Ну что там у Тимченко?

Послушал немного и сказал соседу, генералу ПВО:

— Пока ничего. Трещина не увеличилась.

По ветровому стеклу вдруг ударили крупные капли, дождь забарабанил по крыше «Чайки». Асфальт впереди стал черным и блестящим: налетела гроза. Генерал сердито крякнул:

— Ну вот, пожалуйста.

В другой машине, «Волге», ехали два инженера, бородатый лысый в очках. Лысый объяснял:

— В их положении садиться на мокрую полосу — это страшное дело!

Вереница черных машин обогнала колонну зеленых грузовиков с прожекторами.

Кабина теперь была похожа на госпиталь: и Ненароков и Скворцов сидели в своих креслах перебинтованные, облепленные пластырем, с черными обмороженными лицами. Тимченко повернулся к Валентину.

— В Шереметьеве льет. Полоса мокрая. Слой три сантиметра... А реверс включать не хочется. Попробуем так сесть...

«Ту-154», по-прежнему в сопровождении двух истребителей,шел на снижение. Бортпроводницы перевели всех пассажиров в первый салон; проверили, хорошо ли застегнуты у каждого привязные ремни, отобрали и сложили в пластиковые пакеты все личные вещи, которые могли бы поранить владельца при сложной посадке: очки, трубы, спицы для вязания и даже вставные челюсти.

Во втором салоне сидела только Тамара в наушниках и с микрофоном: ей было поручено наблюдать за трещиной — не станет ли увеличиваться. Серьезная, как часовой, она сидела неподвижно и не отрывала глаз от опасного места.

В кабине было почти тихо: бортинженер уменьшал режим работы двигателей. Мерцали слева сполохи молний. Стеклоочистители разгоняли мутную пелену дождя. Буднично, спокойно, как тысячи раз до этого, командир переговаривался с Землей:

— Шереметьево! Я восемьдесят пять четыреста шестьдесят восемь... Засветки слева. Ливень, болтанка... Высоту тысяча две занял. Давление семьсот сорок два выставлено, курс две две пятьдесят четыре... Разрешите снижение до пятисот...

— Снижение до пятисот разрешаю. До свиданья...

По внутренней связи Тамара сказала испуганно:

— По-моему, увеличивается... Она увеличивается!

Летчики переглянулись. Тимченко ответил своим обычным ровным голосом:

— Не паникуй. Все хорошо.— И снова вышел на связь с землей.— Шереметьево! Я восемьдесят пять четыреста шестьдесят восемь. Трещина в фюзеляже увеличивается. Продолжаю снижение. Ливень, болтанка.

...К Тамаре подбежал Игорь, глянул на трещину. Она заметно выросла, и опять резал уши свист.

— Томка! Иди в первый салон.

— Мне велели здесь.

— Иди, говорят тебе! Командир приказал.— Игорь поднял ее с кресла и вдруг поцеловал долгим нежным поцелуем. Тамара поняла и спросила безнадежным шепотом:

— Мы разобьемся?

Не отвечая, Игорь потащил ее в первый салон.

На вышке в Шереметьеве собирались почти все участники совещания в министерстве. К ним присоединились генеральный конструктор и два генерала ПВО.

Лысоватый инженер в очках втолковывал седому импозантному мужчине:

— При посадке пилот всегда включает реверс. То есть поток газов, выходящему из двигателей, дает обратное направление. Понимаете? Для торможения... Но им этого делать нельзя из-за трещины. Может напрочь оторвать хвост.

— Даже так?— поднял брови седой.— А сядут они без реверса?

— На сухую полосу сели бы. А на мокрой пробег длиннее. Не хватит полосы, и тогда...

— Хватит и на мокрой,— вступил в разговор пожилой летчик.— Если воды не больше трех сантиметров.

Генеральный конструктор встал, подошел к стеклу, за которым виден был перрон, а за ним летное поле Шереметьева. По стеклу толстыми струями был ливень, а вдали мерцали под дождем огни ВПП и их отражения на мокром бетоне.

— Что решили с реверсом?— громко спросил тот, кто вел совещание. Генеральный конструктор ответил:

— Не включать.

Тогда спросивший нагнулся к микрофону:

— Передайте Тимченко: реверс при посадке не включать!

Самолет продолжал снижение. Совсем уже отчетливо были видны огни Шереметьева, ярко освещенная посадочная полоса.

— Мы на курсе, на глиссаде,— сказал Андрей Васильевич штурману. И земля подтвердила:

— Высота четыреста, удаление восемь. Вы на курсе, на глиссаде... Счастливой посадки!

Поднялись в небо лучи мощных прожекторов. Сзади, чтобы не слепить летчиков, они подхватили самолет и повели его. В их ярком свете «Ту-154» блестел, как большая рыбина.

А на земле, по обе стороны посадочной полосы, выстроились елочкой машины: пожарные, «скорая помощь», реанимация,

прожектора... Они расположились тремя отрядами — в начале полосы, в середине и в конце,— готовые сразу прийти на помощь самолету Тимченко.

...Игорь снова сидел в своем кресле в кабине и слушал, как Андрей Васильевич переговаривался с землей.

— Посадка! Восьмидесят пять четыреста шестьдесят восемь в глиссаде, шасси выпущено, к посадке готов.

Секунду помолчав, диспетчер ответил:

— Посадку разрешаю.

Промелькнули огни порога. Командир взял штурвал на себя. Полоса — в синих посадочных огнях, белых осевых, освещенная дополнительно мощными армейскими прожекторами — будто ушла вниз.

— Скорость двести шестьдесят! — доложил штурман.

— Касаемся, — сказал Тимченко.

...Самолет мягко дотронулся до бетона, помчался, разбрызгивая воду, по ВПП.

— Скорость не уменьшается, — встревоженно доложил штурман.

— Много воды... Глиссируем, очевидно. — Тимченко напряженно смотрел вперед.

— Тормоза, — напомнил Ненароков.

— Половина полосы! — Штурман даже охрип от волнения. — Скорость двести!

— Тормоза! — спокойно приказал Тимченко.

— Двести! — опять сказал штурман. — Не тормозимся. Юз! Впереди, уже совсем близко, возникли огни, отмечающие конец полосы.

— Реверс! — распорядился Тимченко. Игорь привстал с места, крикнул:

— Андрей Васильевич! Хвост оторвет!

— И хрен с ним! Выполнять!

— Реверс включен! — отозвался Игорь.

Колеса коснулись земли — и сразу же раздался треск, грохот.

— Отказ всех двигателей и рулей! — крикнул Скворцов.

Машину качнуло так, что только своим огромным опытом и хладнокровием Тимченко сумел удержать ее на полосе.

А тем, кто наблюдал за посадкой с земли, представилось удивительное и страшное зрелище. От самолета отделился хвост, грохнулся на бетон и, загоревшись от трения, некоторое время еще гнался за обрубленным самолетом, но не догнал. «Ту-154» бежал дальше... Потом бег его замедлился, и самолет встал у самых огней, отмечающих конец полосы.

— Приехали,— сказал Тимченко и откинулся на спинку кресла.

Свирепые струи воды, фонтаны пены обрушились на огонь и в минуту потушили его. Бетон стал белым, словно вдруг на-мело сугробы.

Через дыру, зияющую на том месте, где был хвост, виднелись пустые кресла второго салона. А из первого салона пассажиров высаживали как обычно: успели подъехать трапы.

Тимченко вышел в салон, чтобы посмотреть, все ли целы. Все были целы и почти невредимы, если не считать нескольких синяков. Все, кроме одного человека. Сергей Николаевич, начальник строителей, так и остался лежать поперек кресел.

— Умер,— объяснил доктор.— Сердечная недостаточность...

А Тимченко уже окружили пассажиры — смеялись, плакали, жали ему руки. Высокая норвежка, отдавшая летчикам красный комбинезон, крепко его расцеловала...

Тамара плакала в буфете, закрыв лицо руками. Подошел Игорь, засмеялся.

— Тома, Тома... У тебя обратные рефлексы. Раньше надо было плакать. А теперь радуйся!

Он взял ее за плечи, осторожно потянул к себе. Но Тамара сбросила его руки, вырвалась и закричала сквозь слезы:

— Уйди! И не трогай меня никогда! Я тебя ненавижу!

— Ты что?— опешил Игорь.— Успокойся. Это у тебя шок, от всего.

— У меня шок от тебя! На всю жизнь... Врала, притворялась, подлизывалась, только чтобы с тобой... А ты меня предал!

Игорь растерялся окончательно.

— Но постой... Ты же меня... Все было по-другому — буквально час назад!

— Тогда я думала, что мы погибнем... А теперь все как было.

— Ну, извини меня за то, что я не погиб,— сказал Игорь сдавленным от смертельной обиды голосом, повернулся и ушел.

...В свете прожекторов и светильников метались, шумели, никак не могли успокоиться вернувшиеся на твердую землю люди.

А сверху из круглого пролома в фюзеляже, стоя у самого края, смотрел на них задумчиво Андрей Васильевич Тимченко.

Уже под утро Тимченко появился дома. Жена ждала его, не спала. Повела мужа на кухню, быстро накрыла на стол.

— А я уж начала волноваться,— сказала Анна Максимовна и сопрала: волновалась она очень давно.— Почему задержались?

— Там погода была неважная, в Бидри.

— А как летели?

— Нормально...

Он поглядел на обязательный стакан морковного сока, который пододвинула ему жена, взял его, но пить не стал. Вылил сок в раковину, ополоснул стакан и попросил:

— Анюта, налей-ка мне сюда коньяку...

Кажется, совсем недавно была ежегодная медкомиссия, а вот уже снова надо проходить ее, ложиться в госпиталь.

Снова Андрею Васильевичу проверяли зрение и слух...

Брали кровь на анализ...

Заставляли крутить педали велосипеда...

В свободное от врачей время летчики играли в домино, в шахматы, смотрели в холле телевизор. В один из вечеров показали, между прочим, самого Андрея Васильевича. Рассказали о его трудовых успехах, показывали старые военные фотографии, помянули и землетрясение в Бидри. Андрей Васильевич смотрел на себя с веселым любопытством.

В последние годы Тимченко опасался медкомиссий, нервничал. Но в этот раз чувствовал себя уверенно. В последний день, как всегда, он спросил главврача:

— Как, товарищ профессор? Не пора еще подковы сдирать?

Спросил — и был уверен, что нет, конечно, не пора. А профессор сказал сочувственно, но твердо:

— Андрей Васильевич, летать вы пока не будете. Кардиограмма показала — не выдерживает сердце перегрузок...

...Дома Андрей Васильевич дал волю своему гневу. Всегда спокойный, даже медлительный, он стучал кулаком по столу и выкрикивал:

— Я этого так не оставлю! Я на этих коновалов найду управу! Я к министру пойду, там меня поймут. Пускай назначают министерскую комиссию! Человек здоров как бык, а его хоронят заживо.

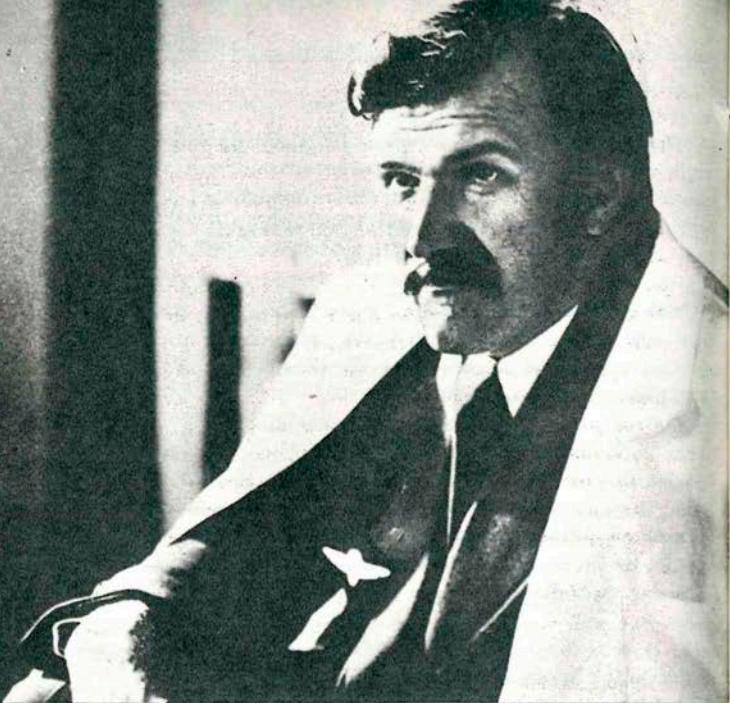
— Ну почему же хоронят? — пытались возразить жена.— Тебе дадут интересную работу — любую, какую ты захочешь... И на земле люди живут...

— Ай, брось, Анюта! Брось! Я сам это говорил сколько раз — другим!.. Любую работу... Мне не нужно любую, мне нужно летать!

Стукнув дверью, он ушел в другую комнату.

Анна Максимовна подождала немного, потом пошла за ним.

— Успокоился? Теперь послушай меня... Я и раньше знала, просто не хотела говорить. Обязана была как врач, а молчала!

Сердце тебя не тревожит, но оно уже давно в таком состоянии, что каждую минуту может случиться спазм. Представляешь, вдруг обморок — на взлете или на посадке?

— А ты представляешь — вдруг на тебя сейчас потолок упадет? Или пол?

— Ну что ты равняешься?.. Я тебе каждый день давление мерила, витаминами пичкала. Думаешь, просто так? Вот и сейчас — ты злишься, и лицо побледнело, и дыхание частое... Перестань, миленький.

И она ласково взяла его запястья обеими руками, Андрей Васильевич вырвался, закричал с несправедливой злобой:

— Отстань! Думаешь, я не понимаю: ты же мне пульс щупаешь!.. Ты детский врач, вот и лечи детей! А ко мне не лезь!

Андрей Васильевич — веселый, довольный — стоял, приветственно раскинув руки, у входа в главный корпус санатория. А по мраморным ступеням поднимались к нему, тоже улыбаясь, Ненароков, Игорь под руку с Тамарой и штурман.

— Привет, привет, привет! — Тимченко поцеловал Тамару в щеку, а с остальными обнялся, каждого похлопал по спине.

...Они гуляли по аллеям бывшего барского парка, под их ногами поскрипывал молодой снег, снежок лежал на голых плечах статуй.

Наташа (она приехала к отцу еще раньше) катила колясочку — пустую, потому что годовалую Анечку нес на руках Ненароков. Он подбрасывал тепло укутанный ребенка в воздух и уверенно ловил. Анечка хотела, а Нашата пугалась:

— Не надо, Валя! Уроните.

— Пускай привыкает. Все-таки внучка летчика.

Тимченко оглядывался на них с интересом, даже с некоторой надеждой. На ходу он рассказывал:

— Да нет, теперь уже ничего. Не то, что сначала... Привыкаю помаленьку... Я вот как рассудил: кричать, бегать, требовать особого отношения — это глупость и эгоизм... Получше меня были летчики — и уходили... Верно?.. Не я первый, не я последний... Кончилась цыганская жизнь, пора осесть на землю...

Друзья слушали, удивленные и обрадованные тем, что к их командиру так быстро вернулись уравновешенность и здравый смысл.

— А работать где, в управлении? — спросил штурман.

— Нет. Работать буду в Шереметьеве — к вам поближе...

...Они сидели на парковой скамье. Медленно проходили мимо отдыхающие.

— А у меня новости, — говорил Игорь. — Завтра в загс. Иду сдаваться... Но, конечно, пока только заявление! Еще могу передумать, время будет. — Он взял руку Тамары, поцеловал ладонь.

— Передумаешь — ее счастье. Мы ей жениха почище найдем, — сказал Андрей Васильевич полуслыша-полусерьезно. И повернулся к Тамаре. — Такие, как он, лет в сорок успокаиваются. Так что учи, тебе еще десять лет мучиться.

— Помучаюсь, — сказала Тамара весело: как всякая женщина, она думала, что знает свое будущее лучше, чем посторонние наблюдатели. Она прижалась лицом к плечу Игоря и не увидала поэтому, как пробежала мимо хорошенъкая медсестра и как Игорь — конечно, непроизвольно — проводил ее прищуренным, словно прицеливающимся глазом.

— Значит, женимся, — подытоожил штурман. И выступил с предложением: — По этому случаю надо бы. Я принес. — Он достал из портфеля бутылку отличного греческого коньяка «Метакса». — А, командир?

— Можно, — согласился Тимченко. — Пошли. Я знаю одно место... Там закуска — за уши не оттянешь.

— Да зачем закуска-то? — пожал плечами Игорь.

— Пошли-пошли.— Тимченко протянул Тамаре ключ.— А ты беги ко мне, принеси емкости.

...Под предводительством Андрея Васильевича они вышли на снежную полянку. Кругом стояли озябшие березы, а посередине поляны росла невысокая рябина. Листья на ней покернели, съежились, а ягоды были красные-красные и очень большие.

— Вот,— сказал Тимченко с удовольствием.— Самая охотничья закуска.

Разлили по рюмкам, принесенным Тамарой.

— Валя! А когда тебя женить-то будем?— серьезно спросил Тимченко. Ненароков отшутился:

— Подождем пока... Вот Анечка подрастет, тогда посмотрим...— Он поднял рюмку.— Андрей Васильевич! За вас, за все хорошее.. И чтоб у вас все было как хочется.

Выпили, закусили сочными горькими ягодами прямо с дерева. Тимченко пить не стал, только пригубил. Но тоже пожевал ягодку. У всех стало тепло на душе — от коньяка, от симпатии друг к другу, от нарядного деревца, вокруг которого они стояли. Несколько тяжелых красных ягод упало на снег.

— Словно капельки крови,— отметила Тамара. А Андрей Васильевич сказал:

— Прилетят снегири — склюют.

Тимченко спал у себя в комнате — просторной, комфорtabельной, как и все остальное в этом санатории. Вдруг зазвонил телефон. Андрей Васильевич сел на кровати, взял трубку, спросил густым от сна голосом:

— Анюта, ты?

Энергичный тенорок в трубке сказал торопливо:

— Тимченко! Здоров... Не узнаешь?.. Дерябин я. Вспомнил?

— Дерябин? — обрадовался Тимченко.— Помню, конечно.

— Слушай, тут срочное дело. Я тебя еле разыскал... Слетать можешь? Надо перебазировать отряд на Волгу.

— Ты что? — упавшим голосом сказал Тимченко.— Не знаешь, что ли! Я уже не летаю, списан.

— Да знаю я, знаю,— торопился в трубке Дерябин.— Я договорился обо всем, получил на тебя разрешение... Надо срочно шесть «Яков» перенять, а людей у меня нету... Неужели не выручишь?

Андрей Васильевич поглядел на светящийся циферблат часов.

— К четырем тридцати буду у тебя.

...Андрей Васильевич ехал в своей машине по совершенно пустой Москве... Мчался по пустому шоссе... Приехал в безлюдный тихий аэропорт. И погнал по пустой полосе в дальний конец: там стояли гуськом «Як-40», камуфлированные как в войну. Почему-то Тимченко нисколько не удивился этому.

Дерябин встретил его возле самолетов. Он был в летном комбинезоне и выглядел не старше двадцати-двадцати двух лет. Этому Андрею Васильевич тоже не удивился.

— Давай скорей,— заторопил он.— Ждут.

— Спасибо тебе, Дерябин... Просто огромное спасибо. Я уж думал, не сяду больше за штурвал... Давно мы с тобой не виделись, а?

— С самой войны...

— А ты и не постарел совсем,— завистливо сказал Тимченко. На это Дерябин не ответил, повторил только:

— Давай скорей. За мной пойдешь.

...«Як-40» бежал по взлетной полосе, мчались ему навстречу белые и синие огни.

Весь экипаж был Андрею Васильевичу незнаком — молоденькие молчаливые ребята. Штурман говорил отчетливо:

— Сто шестьдесят... Сто восемьдесят. Скорость принятия решения!.. Скорость подъема!.. Скорость отрыва!..

Самолет плавно оторвался от земли.

...Он летел над облаками, под звездами, ровно и мощно гудя двигателями.

Андрей Васильевич обернулся и увидел, что в кабине никого нет. Но он и этому не удивился: во сне не удивляются ничему. Положив тяжелые ладони на рога штурвала, Тимченко сидел и думал о своей жизни...

Экипаж Ненарокова — сам Валентин, Игорь Скворцов, новенький второй и штурман — вышли из диспетчерской на первон Шереметьева. Вышли и как по команде зажмурились: такой был яркий солнечный день. Под морозным синим небом сияли белизной спины самолетов, даже серый бетон казался голубым. Торопились по своим строго упорядоченным орбитам автобусы, электрокары, машины иностранных марок.

Промелькнула мимо летчиков стайка японских стюардесс. Красные подкладки темных накидок делали японочек похожими на снегирей.

Летчики шли по звонкому зимнему бетону к своему «Ту-154». А навстречу им торопилась, почти бежала Наташа, дочка Андрея Васильевича. Валентин нахмурился: что-то случилось. А Наташа вцепилась ему в рукав и, задыхаясь от бега и от слез, сказала:

— Папа умер...

— Ты что, Наташа? Мы же вчера у него... — начал штурман и осекся. А Наташа продолжала.

— Спазм сердца... Сегодня ночью, во сне... Лег и не проснулся. Я хотела сама... сама хотела вам...

Валентин взял Наташину руки в свои, долго держал их, потом отпустил со вздохом, так ничего и не сказал.

— Ночью, во сне, — тихо повторил Игорь. — Хоть легкая смерть...

Они еще постояли, не зная, что сказать, да и не желая ничего говорить. Потом Игорь поцеловал Наташу в щеку, второй и штурман попрощались с ней за руку, и летчики двинулись дальше: надо было лететь. А девушка, сгорбившись, медленно пошла к перрону.

...«Ту» разбежался по полосе, взмыл в воздух. Из кабины видно было все летное поле. А потом стала видна и Москва, на широкую ладонь которой сюда, в Шереметьево, слетались, как птицы, самолеты со всех концов земли.

Фильмографическая справка

«Экипаж» — цветной широкоэкранный, широкоформатный художественный фильм. Производство киностудии «Мосфильм», 1979 г.

Авторы сценария Ю. Дунский, В. Фрид, А. Митта при участии Б. Уриновского. Режиссер-постановщик А. Митта. Главный оператор В. Шувалов. Художник-постановщик А. Кузнецов. Композитор А. Шнитке. Звукооператор Е. Попова.

Роли исполняют: Г. Жженов — Тимченко, А. Васильев — Ненароков, Л. Филатов — Скворцов, А. Яковлева — Тамара, И. Акулова — Аля, Е. Васильева — жена Тимченко, Ю. Горобец — Миша, А. Павлов — штурман, Г. Гладкова — Наташа, Р. Монин — Алик.

Содержание

В. Коккинаки. Экипаж в особых обстоятельствах 5

Люди с крыльями — не ангелы 8

Спасите женщин и детей 57

Фильмографическая справка 119

Юлий Теодорович Дунский,
Валерий Семенович Фрид,
Александр Наумович Митта
при участии
Бориса Давыдовича Уриновского

Экипаж

Киносценарий

Редактор Л. А. Ильина. Художник Г. К. Александров.
Художественный редактор И. С. Жихарев. Технический редактор Г. П. Давидок. Корректоры Е. Р. Лаврова, М. Л. Лебедева

И.Б. № 1479

Сдано в набор 04.09.80. Подписано к печати 09.12.80.
A05391. Формат издания 84×100/32. Бумага тифдрученная. Гарнитура журнально-рубленая. Глубокая печать.
Усл. п. л. 5,83. Уч.-изд. л. 8,282. Изд. № 15223. Тираж 30 000. Заказ 2261. Цена 60 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Видный кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Наумович Митта родился в 1933 году. Окончил Инженерно-строительный институт, затем — режиссерский факультет ВГИКА. Был он и карикатуристом и автором детских книг, которые сам иллюстрировал. Его режиссерский дебют — кинофильм «Друг мой, Колька» [совместно с А. Салтыковым, 1960 г.]

Им поставлены также фильмы «Без страха и упрека», «Звонят, откройте дверь» (удостоен приза «Золотой лев» на фестивале в Венеции), «Точка, точка, залятая», «Москва — любовь моя», «Гори, гори, моя звезда», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» и «Экипаж». Сценарии трех последних фильмов написаны им в содружестве с Ю. Дунским и В. Фридом. Александр Митта — лауреат премии Ленинского комсомола,

Борис Давыдович Уриновский родился в 1941 году. Окончил Московский авиационно-технологический институт. В настоящее время ведет преподавательскую работу.

Прозу и стихи начал писать в 1963 году. Его недавно опубликованный рассказ «Гриша» лег в основу сценария, который готовится поставить на киностудии «Ленфильм» режиссер А. Симонов.

60 коп.

